

КОСТЁР

9 СЕНТЯБРЬ 1974

Зоя Туманова

КТО ИЗ НАС

Учительница добрая у Юрия была,
Наверно, по фамилии не раз его звала,
Звала его Гагариным, да только и всего —
Не знала, что ГАГАРИН он, не знала ничего...
Мы в школу отправляемся — фуражки набекрень,
Идем, свои учебники засунув за ремень,
И кто из нас ГАГАРИНЫ, не знаем мы пока...
Путь в космос начинается со школьного звонка!

КОСТЕР

9
СЕНТЯБРЬ

1974

Ежемесячный журнал
для школьников

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© Москва, 1974 г.

КОРАБЛЬ

Ах, школа, школа, школа — звенит на голос,
И ветер занавесок вздувает паруса,
И все четыре палубы — четыре этажа
От говора, от хохота, от топота дрожает!
Матросы запоздалые помчались со всех ног —
Дает сигнал отплытия залихватистый звонок,
Идет по трапу-лестнице с указкой капитан,
Изведший, изведший, изведший науки океан...
Он курс проложит правильный, чтоб ты не сел на мель!
...Уже морзянкой дробною постукивает мел.
Ведут дороги дальние, ведут во все концы,
И в крепости истории, и в алгебры дворцы,
Взберись, впередсмотрящий, на мачту корабля,
С Колумбом восклицая: «Земля, земля, земля!»
...Навстречу новым зорям летит во весь опор
Планеты синий глобус, залученный в простор,
И день зовет трудиться, и день ищет зовет,
И школа, школа, школа — в грядущее плывет!

Рисунок Т. Соколовой

ПОЧЕМУ ОНИ ВСЕ ПРОТИВ МЕНЯ?

Осенью к нам в школу прислали директора. До этого мы без директора сто лет жили, и ничего, а тут взяли и прислали.

Школа у нас небольшая: один восьмой, один седьмой класс, а остальных я не считал, сколько их там, всякой пузатой мелочи.

Поселок наш не такой, чтобы уж зверски большой, но и не такой жутко маленький. Есть столовая, баня, клуб, а магазина целых два, правда, один керосиновый.

Еще есть совхоз.

Еще есть море.

А вот директора все не было.

Кто только за директора у нас не пробовал... Сначала — наш физрук. Но директором он был недолго, потому что при нем дисциплина поднялась, а успеваемость начала падать. Потом — Мария Михайловна, учительница литературы. Она очень старая, и при ней стала падать дисциплина. Последним был завхоз Евдокимыч. Тут все сразу упало, поднялась только столлярное дело.

Журнальный вариант

И вот Евдокимыч ушел на пенсию. И вот приехал настоящий директор. То есть от совхоза ему давали квартиру в новом каменном доме, но он ее брать не стал, а взял старый деревянный дом поближе к воде.

Мать видела, как он разгружался, когда приехал.

— Чего-то не пойму я, насовсем он приехал или как... — сказала она. — Всего-то два чемодана, тюк какой-то и книжки. Вроде как дачник.

— Корову, что ли, он привезти должен? — спросил отец.

— Корову не корову, а жену, например... Или хоть телевизор... Что это за директор, если он телевизор не нажил.

— Человек не бараклом определяется, — сказал отец.

Отец с матерью у меня часто ссорятся. А если по правде, то мать на отца все время нападает. Ей все равно, за что его ругают. Она хочет, чтобы он выпивать бросил. Он тоже говорит, что хочет, только у него не получается.

И тут уж мать может его пилить хоть из-за дождя, хоть из-за снега, хоть за то, что директор телевизор не привез.

Так уж получилось, что нового директора мы до урока не видели. Он, когда вещи выгрузил, сразу куда-то уехал, а когда приехал, то прямо к школе.

Второй урок у нас по расписанию немецкий. Но немецкого у нас не было уже три недели, потому что немка летом вышла замуж за какого-то дачника и уехала в город.

Три недели вместо ее уроков мы спокойно играли себе в футбол. Но в тот день шел дождь и все раскисло. Мы сидели в классе и просто трепались.

Вчера по телевизору передавали фильм про полет на планету Венера, и мы спорили о том, могут ли быть на Венере люди.

— Глухой спор, — сказал Борька Умник. — Сами знаете, наши ракеты уже на Венеру сдвинулись... Там температура пльсёт, а давление соння. Какие вам еще люди?

— А в фильме на Венере была девушка... — сказал кто-то из девочек.

ненавижу? Да мне все равно, есть они или нет — что столб, что девочка.

— Ненавижу? — спокойно спросил я. — Да я вас просто не замечаю!

— Не замечать ты их не можешь, — возразил Умник. — Они же не прозрачные, значит, ты их замечаешь.

В этот момент в класс влетел Вовка Батон и заорал:

— Директор идет! Прямо в наш класс!

Батон — не фамилия, Батонюм его зовут за то, что один раз целых два батона съел. Мать ему за что-то наkostenяла, а он всю булку слопал. Говорит, ему от обиды всегда есть хочется.

Девочки окружили Батона и стали спрашивать, какой директор — молодой или старый, и какое у него лицо — доброе или злое.

— Глаза — во! — сказал Батон и показал руками круг вроде тарелки. — Руки — во! Зубы — во! Сейчас он вас всех съест!

Батон заржал, плюхнулся за парту и замер. Остальные тоже быстро успели и установились на двери.

ВИТЬКА МУРАШ-- ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕХ

ПОВЕСТЬ
Юрий Томяк
Рисует А. Лагозова

— А фильм фантастический, — ответил Умник.

Этот Борька может любой спор испортить. Он просто жутко умный. Читает все подряд, а главное, все запоминает. Про чего ни говори, он все уже заранее знает. За это его Умником и прозвали.

— А может, они по-другому устроены, не как мы, — сказала я.

— Ученые не знают, а ты знаешь!

— Я не знаю, а предполагаю.

— Ученые не предполагают, а ты предполагаешь!

— Засохни, Умник! — разолился я. — Может, на Венере сейчас ползают около нашей ракеты сороконожки и рассуждают, есть на Земле сороконожки или нет.

— Почему сороконожки?

— Потому что там люди такие. У них по сорок ног. Это у ребят. А у девочек по двадцать.

— Можешь, Мураш, не выставляться, — сказала Наташка Куурова. — Все знают, что ты девочек ненавидишь.

От этой Наташки мне жизни нет — все время ко мне лезет. Цепляется к каждому слову, особенно если я про девочек говорю. «Ненавижу — не ненавижу». Да мне вообще не их наплевать. Как на столб на какой-нибудь. Если, например, столб стоит, люблю я его или

Вошел директор. Мы встали.

— Гутен таг! — сказал директор.

Мы молчим.

— Гутен таг, — еще раз повторил директор.

— Чего? — спросил Батон.

Мы так и грохнули. А директор даже и глазами не моргнул.

— У вас ведь сейчас урок немецкого? — спросил он.

— Ага... — ответил Батон.

Ничу етти вох али маль: гутен таг!

— Гутен таг, — ответил Батон, и мы тоже зарбормотали по-немецки — недружко очень, будто горох на сковородку поспыпался.

— Садитесь, — сказал директор, сам подошел к столу и принялся нас разглядывать.

А мы разглядывали его.

Руки у него, правда, были здоровые, под пальчиком даже как будто мышцы владать. А на счет зубов Батон натрелся, зубы нормальные, только один серебриный.

И все-таки непохож он был на директора. Почему, это я объяснить не сумею: и сидел он не как директор, и смотрел не как директор. Евдокимыч, например, когда стал директором, сразу себе галстук купил. А у нового не было

* Теперь еще раз: здравствуйте! (нем.)

ни галстука, ни даже рубашки, а толстый такой свитер под пиджаком.

— Зовут меня Иван Сергеевич, — сказал директор.

— Мы знаем, — ответил Батон.

— А что вы еще знаете? — спросил директор.

— А все, — ответил Батон. — Вы — директор. Жить будете возле бухты. Скоро, наверное, обратно уедете.

— Почему ты так думаешь?

— А вещей у вас мало, — сказал Батон.

Директор усмехнулся. Вот тогда я у него серебряный зуб и увидел.

— Может быть, и не уеду, — сказал директор. — Может быть, мне здесь понравится.

— Не понравится, — мотнул головой Батон. — У нас скучно. Кина нет... В Приморске нужно ездить.

— В одном «кине» все и дело? — спросил директор. — Или еще есть причины? Может быть, тебе одному только скучно, а другим весело?

— Библиотека маленькая, — сказал Умник.

И тут получилось как-то так, что все стали жаловаться. Девчонки просто хором орали про то, какие они несчастные. Магнитофона в школе нет, а без магнитофона новые танцы не записать и не выучить. Драмкружка тоже нет, а без драмкружки все их таланты пропадают начисто. Ну какие у них могут быть таланты, разве что макароны варить, вроде нашей Людки.

Нашли кому жаловаться — директору! Да еще и директор он без году неделя и, может, завтра уедет.

Ребята тоже не лучше. Сидят и ноют, что футбольное поле у нас все в камнях, мячей нет, зимой катка нет — негде шайбу погонять.

Одни мы с Колькой молчим. Колька вообще не любит говорить и я терпеть не могу жаловаться.

Директор все-таки заметил, что мы молчим.

— А вот вы почему молчите? Всем довольны, что ли?

Колька промолчал.

А я ответил:

— Да смешно просто слушать! Катка у них нет! Вон целое море под боком. Расчисти лед и катайся. Поле у них в камнях! Возьми и уберни камни.

— Чего же ты не расчищаешь и не убираешь? — спросил Умник.

— А мне что, больше всех надо?

— Мурашов у нас только по советам специалиста, — вылезла Наташка Кудрова. — А работать ему нельзя, он гордый.

— Я могу эти камни один убрать, — спокойно сказал я директору, будто и не слышал Наташку. — Только...

— Только что?

— Ничего... — сказал я. — Не люблю, когда ноют.

Ребята зашумели. В нашем классе никто правды не любит.

Директор внимательно посмотрел на меня, почесал подбородок и спросил:

— А точно один можешь убрать?

— Могу.

— Добро. Иди убирай.

— Когда?

— Сейчас.

— А урок?

— А ничего, — сказал директор.

Я стою и соображаю: может, он шутит? Да нет, как будто бы смотрит серьезно, не улыбаясь.

Повернулся я к окну. За окном — дождь, по стеклу капли ползут; над крышами не то пар, не то туман плавает.

— А если не пойду? Ничего мне не будет?

— Конечно, нет, — сказал директор и улыбнулся.

И в классе вдруг очень тихо стало.

— Тогда пойду, — сказала я.

— Иди.

Спустился я в раздевалку, взял в кладовке лом и вышел во двор.

Иду и думаю: зачем я с этим делом связался.

С поля школу хорошо видно. Наверное, им тоже меня видно неплохо. Наверное, смотрят они на меня сейчас и жутко довольны, что Мурашова на «слабо» взяли.

От злости взялся я за самый большой камень. Хотел его поддеть ломом, а он в земле сидит еще метров на сто. Тут надо копать триста лет. Разозлился еще больше и думаю — вот пойду сейчас домой и не приду сегодня в школу вообще. И никто ничего мне не сделает, раз меня посылают работать вместо бульдозера. Отволоку только один камень и пойду.

Выбрал камень поменьше, перекинул его за край поля. Ладно, думаю, пускай не один будет, а три. Перекинул три. Стало жарко. Ладно, думаю, пускай будет десять. Перекинул десять. Стал считать, сколько осталось — а там всего одиннадцать штук, кроме самого большого. И тогда я решил убрать все и пойти не домой, а в школу. Пускай им совестно будет — всем, и директору этому тоже.

Откатил еще два камня, смотрю — Колька идет, тоже с ломом. Мне смешно стало.

— Ну что, — говорю. — Послал он тебя за мной, наверное.

— Честно, не посылал. Когда ты ушел, он спросил, есть ли у тебя в классе друг или нет.

— А ты?

— А чего зря болтать! Я просто встал и пошел.

— Слушай, Колька, — говорю я. — Директор отку... может, он чокнутый?

— Откуда я знаю, — сказал Колька и посмотрел на кучу камней. — Ничего ты наворотил!

— Это я от злости. А вообще-то не так много и было. А большой не убрать — трактор нужен.

Отволокли мы с Колькой остальные и пошли в школу.

Была как раз перемена. Еще издали я увидел директора. Он стоял на крыльце, без шапки, без пальто, курил и смотрел, как мы с Колькой шлепали по лужам.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Нормально, — спокойно ответил я.

— Нормально хорошо или нормально плохо?

— Нормально нормально, — сказал я.

— Убрали?

— Убрали, один остался — трактор нужен.

— Ну вот, — сказал директор, — а говори-те, катка у вас нет.

— У нас много чего нет, — сказал я.

— Это заметно, — согласился директор. — Даже мне, хоть я человек здесь новый. Ну, а рыбалка у вас хорошая?

— Нормальная.

— А ты сам рыбачишь?

— Рыбачу.

— И что ловится?

— У кого как...

— У тебя, например.

— Окунь ловится, плотва. Шуку можно пой-мать, если с лодки.

— А лещ есть?

Терпеть не могу, когда меня про рыбалку спрашивают. Особенно летом — понаедут дачники и все ходят за нами, пытаются, чтобы им места показали, где лучше клюет. Как будто рыба на месте стоит, на веревочке привязанная. Если сам не понимаешь, так нечего и спрашивать.

— Лещей больше в магазине ловят, — ска-зал я. — На золотой крючок. Когда леща можно в бухте поймать, то запрещают, а когда разрешат, то тогда не ловится.

— А ты, я вижу, разбираешься, — сказал ди-ректор.

«А вы, я вижу, не очень», — сказал я мысленно.

Мы с Колькой пошли в класс, а он остался стоять на крыльце. И еще раз я подумал, что непохож он на директора и, наверное, долго у нас не задержится.

В классе нам, конечно, никто спасибо не ска-зал за эти камни. Ну, это я заранее знал. Знал даже, что будут всякие дурацкие шуточки, особенно про меня.

— Мураш, одолжи пару камней!

— Мураш у нас сильный.

— Мураш у нас умный.

— Мураш у нас храбрый.

— Мураш... — это Батон вякнул и сразу за-молк, потому что получил по загривку.

Батон сидит впереди меня, и мне до него легко дотянуться.

Все сразу завыли. И почему они все против меня?

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

В будний день, когда нужно в школу, спать же хочется.

Отец с матерью уходят к семи, этого я даже

не слышу. На столе, как раз рядом с моей кро-ватью, мама оставляет будильник. В восемь ча-сов этот будильник как даст звонок, я аж под-скакиваю. Но если подскакиваешь, это еще не значит, что проснулся. Я обратно падаю, на подушку. И тут начинаю досыпать по минут-кам.

Так было раньше.

А недавно отец составил для меня распи-сание.

Отец у меня ужасно считать любит. Если нужно чего-нибудь по дому сделать, пуская самое простое — например, стекло вставить, — он сначала раму раз пять измерит, нарисует ее на бумаге, все размеры проставит. Потом стекло начинает мерить и расчерчивать. Площадь зачем-то вычисляет до одной тысячной. Все стекло расчертит. Полдня на это уходит. А когда разрежет стекло и вставит, получается криво. Тогда он начинает математически дока-зывать, что рама перекошена, а он совершенно ни при чем.

Отец у меня вроде изобретателя. А работает он на тракторе «Беларусь». У его трактора спереди нож, как у бульдозера, только помень-ше. А сзади — ковш, как у экскаватора. Этот трактор может и дорогу расчищать, и песок сгребать в кучу, и канавы копать. В общем, механизмов на нем навешано много, но отец для трактора все время что-нибудь новое из-бретает.

Один раз изобрел захват, чтобы столбы для проводов брать с земли и в ямы устанавливать. За это ему премно выписали. Но не успел он премию получить, как захват сломался, да еще вместе с ковшом. За это его премии лишили, неделю он трактор ремонтировал, и еще мать выдала.

Но изобретает отец только вечером и когда выпивши. Он и расписание для меня изобрел вечером. Я точно помню, как раз в тот день получка была.

Сидели мы на кухне, ужинали. Только мы поужинали, отец говорит:

— Витек, давай карандаш и бумагу.

— Зачем? — спрашиваю.

— Расчет сделать. Расчет твоей жизни. Мно-го времени зря тратишь, холостую она у тебя вертится.

Я говорю:

— А у меня времени хватит. Куда мне его девать?

— Это тебе теперь так кажется. А вот будет тебе сорок восемь, как мне, тогда узнаешь, хватит или не хватит. Я тебе сейчас математи-чески докажу. Тащи, Витек, принадлежности.

Принес я ему. Он говорит.

— Считай и записывай. Значит, так... Один умножь на триста шестьдесят пять.

Я говорю:

— Это трудно. Мы еще высшую математику не проходили.

— Ты не остри, а записывай. Дели теперь на двадцать четыре.

— Разделил.

— Теперь еще на тридцать дели. Сколько получается?

— Пятьсот семь тысячных.

— Вот так, — с удовольствием сказал отец. — Если в сутки ты проспишь только один лишний час, то... Умножаем на триста шестьдесят пять... это часы... делим на двадцать четыре — сутки... делим на тридцать — месяцы. Сколько там?

— Пятьсот семь тысячных.

— Вот. Пятьсот семь тысячных! Считай — полмесяца в год псу под хвост. Считай, что эти полмесяца ты не живешь, они у тебя из твоей жизни вычеркнуты.

Мама убирала со стола и не обращала внимания на нашу арифметику. Но когда она услышала, что один час превращается в три года, то заинтересовалась. Она присела возле отца и заглянула в бумажку.

— Вычислил-то правильно?

— Ага... — сказал отец. — Поняла теперь? Математически можно учесть абсолютно все.

— Давай тогда мою задачку реши, — попросила мама.

Отец обрадовался, заулыбался.

— Ну, ну... — говорит отец. — Каковы условия задачи?

— Таковы... Сначала ты двенадцать умножь на два.

— Двадцать четыре, — бодро ответил отец.

— Нет, ты запиши.

— Запишем, — согласился отец и вывел на бумаге двадцать четыре.

— Теперь так... Если считать от двадцати лет и по сейчас... Это будет тридцать. Умножай все на тридцать.

— Семьсот двадцать.

— А теперь умножай все на рупь пятьдесят.

— На один и пять десятых? — спросил отец.

— Нет, на рупь пятьдесят, — твердо сказала мать.

— Одна тысяча восемьдесят рублей.

— Вот тебе и арифметика, — сказала мама. — Вот тебе и портвейн с полочки. Тысячу восемьдесят рублей ты только на этом из семьи вынул за все годы. А если считать между полочками, да праздники, да Ваську Соломонова, да остальных забулдыг, которых ты поешь...

Тут на три умножить — еще и мало. Ну, пускай на три... Тут я и сама вычислю. Три тысячи двести сорок рублей — с ума сойти! Дом можно купить!

— Дом у тебя есть, — возразил отец.

— Значит, на другое бы что полезное пошло.

— Мопед «Рига», например, — намекнул я. — Всего сто девяносто рубчиков.

— Всего! — возмутился отец. — Ты их зароботай сначала, сто девяносто!

— Ты же обещал.

— Обещал — будет.

— Когда?

Отец посмотрел на меня с какой-то, мне показалось, обидой. И меня сразу будто кольнуло. Зря я, наверное, вынул насчет мопеда. Получается, что все мы против него одного. Как

будто он нам вредитель. И всегда во всем виноват. А тут еще Людка! Сидела все время тихо, только глаза тарачила, а теперь сообразила.

— А сапожки всего пятьдесят стоят.

Людка старше меня на три года, но я ее как хочу зажимаю.

— Ты сиди, — говорю, — повариха.

Людка на меня не смотрит, а обращается к маме. Тянет таким капризным голосом, будто у нее соску отняли.

— Мам, — говорит она. — Витьке, значит, мопед можно, а мне даже сапожки нельзя.

— И думать не мечтай! — отвечает мать. — Пятьдесят рублей! С ума совсем сошли! И за десятку поносишь, не развалишься.

— А Витьке...

— И Витьке ничего не будет. Велосипед есть и хватит. Тоже еще моду взяли — с пеленок на моторе ездить.

Двинул я Людку ногой под столом и говорю:

— Между прочим, Кольке купили, а у него отец меньше зарабатывает.

— Он меньше и пропивает, — тут мама посмотрела на отца.

— А ну вас к черту! — рассердился отец. — Всё вы на деньги переводите! — вылез из-за стола и ушел в комнату.

Отец у нас нормальный, не хуже, чем у других. Даже еще лучше: ни с кем не ссорится, нас с Людкой никогда пальцем не тронул. Он и с мамой не ругается, а только слушает. И на себя он мало тратит. Просто он добрый. Когда у него деньги есть, за ним целый хвост таскается, а он всех угощает.

Вылез я из-за стола и пошел к отцу в комнату — выяснять насчет мопеда. Я, конечно, не дурак, чтобы сразу к нему приставать. Я говорю:

— Пап, а насчет этого лишнего часа ты здорово придумал. Может, мне и правда на час раньше вставать?

Отцу если хорошее что скажешь, он сразу верит.

— Ага, — говорит, — понял все-таки?

— Понял.

— Значит, варит у тебя котелок, — говорит он. — Знаешь, Витек, я ведь на тебя надеюсь. Уж ты-то школу не бросишь после восьмого, как Людка? Будешь дальше учиться? Правда, десятилетки в нашем совхозе нет, но ведь до Приморска на автобусе всего двадцать минут.

— На мопеде пятнадцать минут, — говорю я.

— Вас понял, перехожу на прием, — засмеялся отец.

— А когда? — спросил я.

— Летом, — сказал отец. — Летом что-нибудь сообразим. У меня премия наклеивается, и мать маленько потрясем. Ты только год закончи получше, без троек.

— У нас не заржавеет, — сказал я. — А на час раньше я могу хоть с завтрашнего дня вставать.

Отец посмотрел на меня и вдруг задумался.
— А что ты с этим часом делать будешь?
— Так ты же сам говорил?
— Говорить-то говорил. А сейчас вот подумал: к чему тебе этот час в твоём детском возрасте?
— Вообще-то ни к чему. — говорю я. — Уроки у меня всегда с вечера сделаны.
— А хочешь, я тебе наоборот так рассчитаю, что ты будешь полчаса лишних спать?
Я жутко обрадовался. Но обрадовался внутри. Снаружи ничего не показал. В таких делах человека лучше всего на «слабо» брать. Про-

тив «слабо» никто устоять не может — ни большие, ни маленькие. Ну, может, только самые маленькие, грудные.

— Давай бумагу, — говорит отец.

Я дал.

Отец посмотрел на меня с хитрецей. Жутко у него вид был довольный.

— Будем считать с точки зрения: сколько тебе на дело потребуется. Вот ты проснулся... Сколько тебе нужно на одевание? Пять минут, десять?

— Ну, пять. — говорю, — а может, и десять.

Отец снял с руки часы и положил их на стол.

— Снимай штаны. И рубашку снимай, и ботинки. Ложись на кушетку.

«Вот еще, — думаю, — интересно. В комнате свет горит. По телевизору оперу какую-то показывают... А я, как полоумный, должен штаны снимать и ложиться».

— Да не так, — говорит отец. — Ты стул рядом поставь. Штаны на спинку повесь так, чтобы в них ноги сами прыгнули. И рубашку сложи, чтобы не искать, где рукава, где ворот. Ботинки рядышком поставь около стула, расшнуруй их как следует. Вот теперь ложись. А теперь пошел!

Я вскочил, стал одеваться. Отец на часы смотрит, даже звук в телевизоре выключил, чтобы считать не мешал. Я штаны натягиваю и смотрю, как на экране артисты рот разевают, будто рыбы.

— Девяносто секунд, — говорит отец. — Полторы минуты — вот сколько тебе на одевание требуется. Давай дальше.

— Умываться, что ли?

— А ты в школу грязный ходишь или как?

— Да нет, — говорю я. — Сейчас-то умываться или ты так считаешь?

— Умывайся.

Пошел я на кухню. Там мать у плиты еще возится, корове запарку готовит. Я сунулся к ручкойнику, а она спрашивает:

— Что это тебя с вечера на умывание потянуло? Пойди лучше корове пойло отнеси.

— Некогда, — говорю, — я

математикой занимаюсь. Пускай Людка ответит.

— Ей тоже некогда, — сердито говорит мать. — Она в носу ковыряет.

Людка, конечно, в носу не ковыряла, но сидела у окна и лбом в стекло уперлась, как статуя. Мечтала, наверно, о сапожках или о жене своим лохматом. Она недавно курсы какие-то закончила кулинарные и теперь целыми днями мечтает: куда ее на работу направят. Делать она ничего не делает, но замечаний жутко не любит, потому что считает себя страшно взрослой.

— И не стыдно тебе, мама, — говорит Людка. — Я же тебя не оскорбляю!

Мать как шваркнет тряпкой о плиту.

— Ах, вот как! Еще бы тебе меня оскорблять! А что у матери руки отваливаются, а ты пальцем не шевельнешь — это как понимать?

Я увидел, что такое дело начинается, и стал потихоньку вылезать из кухни. Матери под горячую руку лучше не попадаться.

— Что ты так долго? — спросил отец. — Три минуты. Неужели и зубы чистил?

— Нет, — говорю, — с мамой разговаривал. Ты скинь две минуты.

— Две много. Одну минуту скину. Дальше поехали.

— Учебники собирать? Тетради?

— Ноль минут тебе на это дело. Все должно быть с вечера собрано. Теперь — завтрак.

Только я подумал, как это я сейчас буду завтракать, если недавно поужинал, из-за двери послышался шум.

Отец спрашивает:

— Что они там не поделили?

— Людка ведро корове не понесла.

— А почему не понесла?

— Что, ты Людку не знаешь?

Отец вздохнул.

— Что с ней творится — не пойму. Как она на эти курсы поехала — не узнаю девушку. Грубит, своевольничает... Ни лаской ее не взять, ни таской, ни с какого боку не подойти.

Я говорю:

— Курсы тут ни при чем. Знаешь, она из-за чего психует? Она со своим женихом лохматым поссорилась.

— Это с кем же?

— С Женкой Спиридоновым.

— До жениха-то ему, как мне до министра!

— А все равно из-за него.

— Ну, а родители тут при чем?

— Пап, — говорю я, — почему ты меня спрашиваешь?

Отец почему-то вдруг разозлился.

— А кого же мне спрашивать, как не вас? Все вы теперь одинаковые! Сам думаешь: дурак у меня отец, несет всякую ахинею про часы да минуты... А мне его слова — фьють. Думаешь ведь, скажи честно? Думаешь, что я глупее тебя?

Тут я разозлился и заорал:

— Нет, не думаю!

Отец посмотрел на меня с удивлением и вдруг засмеялся.

— Ладно, не пыхти. Проехали уже. Давай расчеты кончать. Пятнадцать минут тебе на завтрак хватит?

— Хватит!

— Ну, и до школы — десять минут, если волеком тащиться. Десять плюс пятнадцать... и там две и полторы минуты... Считай — полчаса. Ставь будильник на половину девятого и дрыхни полчаса лишних. Вот что значит расчет и организация времени. Понял?

— Понял, — говорю, — только мама все равно будильник на восемь поставит.

— Это мы уладим, — говорит отец. — Давай звук вруби, будем телевизор смотреть.

По телевизору уже показывали фигурное катание. Не люблю я его смотреть. Катаются и катаются. То ли дело — хоккей. Сидишь и ждешь, когда шайбу забьют. Самое интересное, когда шайбу эту повторяют: медленно-медленно — игроки будто плавают или по Луне ходят. Или подерутся. А фигурное интересно только когда падают. Но падают они редко.

Надоело мне это фигурное до смерти. Но приходится смотреть, раз показывают.

Ждал я, ждал, когда кто-нибудь упадет, да так и не дождался. Пошел спать. Прохожу через кухню. Людка и мама сидят за столом. У Людки глаза зареванные, но вид довольный, что мне не понравилось. Вид у них был такой, будто они о чем-то договорились. А о чем Людка может договориться — известно.

Выревели, кажется, Людка свои сапожки. Если Людке сапожки, то я без мопеда.

А ЗАДАЮТ ЖУТКО МНОГО...

Осенью у нас жутко скучно.

Идешь в школу — темно не темно, а так: серость какая-то. На уроках посидишь, выйдешь — светло не светло, а так: видно, что скоро темнеть начнет. Дома посидишь за уроками — трах! — снова темно, пора телевизор включать. Телевизор посмотришь — уже спать пора.

Осенью сидишь и только думаешь: скорей бы зима пришла!

А зимой у нас тоже жутко скучно. На улице делать нечего, потому что темно, одно остается — уроки. От уроков, по моему, никто еще не развеселился — задают жутко много. Отец, например, с работы приходит в четыре, а я сижу. Мать приходит в пять, я все сижу. Если все учить как полагается, то телевизор не посмотришь.

Мать говорит:

— У тебя одна забота — учиться. Ни о чем другом думать тебе не надо.

А я возражаю:

— Ты попробуй хоть один раз выучить, что нам на день задают.

— У меня своих дел хватает.

— Тогда не говори.

Отец наш разговор услышал и утерпеть, конечно, не мог.

— В любом деле главное — организация труда, — сказал он. — Хотя даже и в учебе. А если ты не справишься, то, значит, не умеешь сосредоточиться. Смотришь в книгу, а видишь фигу.

— Может, попробуешь? Может, на спор?

— Давай, — сказал отец. — Два часа и всем твоим урокам — крышка.

— Хватит тебе чудить, — сказала мать. — Не мешай бы заниматься парню.

— Ничего, мам, — говорю я, — историко и химию я уже выучил. Пускай теперь он поучит. А потом будут ему еще алгебра и физика. Показал я отцу параграфы, он забрал учебники и ушел в кухню.

Когда я решил задачки по алгебре и выучил физику, было уже семь часов. Я заглянул в кухню. Отец сидел в расстегнутой рубашке и ерошил пятерней волосы.

— Прибавь еще поджаска, — попросил он. — Вообще-то я выучил, только вот значки эти химические я начисто позабыл.

— У тебя еще алгебра и физика, — напомнил я.

— Вот и давай их сюда.

Я принес ему задачник по алгебре и учебник по физике, а сам пошел смотреть телевизор. Там уже сидели Людка с матерью. Мать держала на коленях стопку тарелок, вытирала их по очереди и, не глядя, ставила на стол.

Показывали, конечно, фигурное катание. Выступали мужчины. Мужчин я еще смотреть могу, потому что они иногда падают. Я сел на диван и стал ждать, когда кто-нибудь из них грохнется. Ждать пришлось минут сороч. Наконец один упал, и Людка с матерью дружно охнули. Но он, конечно, тут же вскочил, и все мое удовольствие продолжалось одну секунду. Людка вздохнула.

— Мам, а он красивый, верно?

— Мальчик еще совсем... — отозвалась мать.

— А все равно красивый...

Я наклонился к Людке.

— Замуж за него хочешь?

— Дурак, — ответила Людка не оборачиваясь.

Мать посмотрела на меня, но ничего не сказала, только вздохнула. А я пошел на кухню к отцу.

— Что, уже? — спросил отец.

— Уже три часа прошло.

— Да я бы раньше мог, вот формулы подзабыл...

— А вообще-то ты уже проспори.

— Ладно, — сказал отец. — Давай проверяй.

Одна задачка по алгебре с ответом у отца не сходилась. Я сверил со своим решением и нашел ошибку.

— Троечка, — сказал я.

— А четверку нельзя? — неуверенно спросил отец.

— «Мы с вами не на базаре», — ответил я ему словами нашего математика.

По химии отец засыпался сразу. Он написал реакцию, но объяснить ее не смог.

— Двойка!

— Но я же все написал! — возмутился отец.

— Ты не написал, а списал из учебника.

— Да позабыл я эти чертovsky значки!

— Ты занимаешься ме-ха-ничес-ки, — ответил я ему словами нашей химички. — «А мне нужны зна-ни-я». Давай по истории.

Про восстание Степана Разина отец рассказывал общими словами, как в учебнике написано. Я его слушаю и киваю головой, как наша историчка, будто соглашаюсь и даже мне нравится, как он отвечает. Кончил он, а я ему — трах!

— Год начала восстания?

— Тысяча шестьсот... там еще с чем-то...

— С чем?

— Да разве так это важно?

— «Основные исторические даты вы должны знать назубок», — ответил я ему словами нашей исторички. — Давай физику.

— Физику я не успел.

— «Почему же другие успели, Мурашов?» — спросил я его словами нашего физика.

— Ладно, — засмеялся отец, — кончай тряпаться. Сдаюсь.

Только я хотел намекнуть отцу насчет мопеда, как в кухню пришла мать. При ней лучше про мопед не вкаты, и я ничего не сказал.

— Ну, кто кого победил? — спросила мать.

— Он меня, — сказал отец.

— Не выучил?

— Да и ты б не выучила.

— Я — что, — сказала мать. — С меня и спросу нет. А ты у нас изобретатель...

Терпеть не могу, когда отец с матерью вот так разговаривают. Они не то чтобы ссорятся, а так: мать его поддевает все время, а он отбивается.

Я решил мать отвлечь и спросил:

— А у вас там кто победил?

— Наш на четвертом месте, — вздохнула мать. — А по мне он лучше этих, заграничных.

— Тебя бы туда судьей, — сказал отец.

— Судей не судьей, а будь моя воля, я бы всех заставила заниматься. По крайней мере красиво, не то что головой по мячу лупить.

— Интересно, — говорю я, — как бы это ты заставила? Я, например, с ума еще не сошел, чтобы ласточкой по льду ездить. И, между прочим, для этого еще тренер нужен, и площадка, и одежда, и коньки специальные. Может, ты их достанешь?

— На это у вас свое начальство есть. Директор у вас новый, он пускai и достает. Только чудной он у вас какой-то...

— Ты же с человеком ни «здрaсте», ни «до свиданья», — сказал отец. — Откуда у тебя такое мнение?

— А как же? Ни жены, ни детей... Это в его-то годы. Дома — стол да две табуретки. Сам дрова колет, обедать в столовку ходит, словно командированный.

— И про жену уже все известно, — сказал отец. — Как только вы успеваете?

— Чего же неизвестно? Где она, жена? Кто ее видел?

— Да тебе-то какое дело?

— Без жены — значит, временный человек. Вон, уже с Альбертом Петровичем успел поскандалить.

— Он не скандалил, а требовал.

— А кто он такой, чтобы требовать? Альберт Петрович тут всему хозяин, как он скажет, так все и будет.

— Какой такой хозяин! — возмутился отец. — Он директор совхоза, а не хозяин. И правильно с него человек требовал. Пристрой-ка к школе нужна: у ребят спортзала нет. Верно я говорю, Витек?

— Верно, — отвечаю. — У нас даже пионерской комнаты нет.

— А нужна она тебе, эта комната? — спросила мать.

— Рыжие мы, что ли?

— Зачем же она вам нужна?

— Да так...

— То-то и оно, что так. Тоже мне пионеры нашлись... Мы в войну пионерами были, так из госпиталей не вылазили. А вы больше по чужим огородам пионеры.

— Чего войну вспоминать, — вздохнул отец. — У них теперь другие дела.

— Какие? — спросила мать и посмотрела на меня в упор.

— Такие, — ответил я.

Мать засмеялась.

КТО КОГО ВЫЗЫВАЛ?

Директор преподавал нам немецкий. Вообще, он хоть и директор, но не очень зверствовал. Только требовал, чтобы мы старались говорить по-немецки как можно больше. Сначала было трудно, но потом я заметил, что домашние задания я стал шелкать как семечки, хотя язык мне учить неинтересно и учу я его только для отметки.

Но вообще-то директор у нас чудной, это точно.

Первый урок он с нами не занимался, а только разговаривал — это когда мы с Колькой камни ворочали.

На второй урок он пришел с большим чемоданом и сказал:

— Ну, признавайтесь по-честному, что для вас интереснее: языком заниматься или кино смотреть?

Все, конечно, закричали, что кино.

— Хорошо, будем смотреть кино.

Открыл он чемодан, а там узкоплечный аппарат.

— Окна чем-нибудь занавесьте.

Батон быстро сообразил, что к чему, слетал в учительскую, принес оттуда две скатерти. Запахался даже от радости, что сегодня спрашивать не будет.

Пока Батон бежал, директор установил аппарат в проходе между партами и повесил на доску экран.

И мы стали смотреть кино.

Кино было жутко интересное, только мы ничего не понимали. Там были индейцы и белые. Все они скакали на лошадях и стреляли то в воздух, то друг в друга. Куда увезли сундук с золотыми монетами и где его спрятали, мы не поняли. Зачем один индеец привязал к столбу белую девушку и за что одна индейская девушка застрелила белого из ружья, мы тоже не поняли.

Кино было не звуковое, но внизу были подписи на немецком языке.

Я слышал, как Батон просто извивался на своей парте.

— Иван Сергеевич, вы нам переведите.

— Забыл очки, — ответил директор. — А вообще-то текст должен быть вам по силам.

Надписи я прочитывать успевал, но почти совсем не мог понять смысла. Я так напрягался, что у меня в голове звон какой-то пошел. К концу я уже начал что-то соображать; там были хорошие индейцы и хорошие белые; они сражались с плохими белыми и плохими индейцами. Но за что они сражались, я сообразить не успел. Как только один белый стал спускаться в пропасть по канату, а какой-то индеец начал этот канат перепиливать ножом, лента кончилась.

— Конец первой серии, — сказал директор.

— А когда вторая? — спросил Батон.

— Когда вы расскажете содержание первой.

Целый день я потом думал про это кино, и надписи, которые я успел запомнить, мельтешили у меня перед глазами. И немецкие слова, которые я знал, но забыл, стали всплывать у меня в голове, словно пузырьки со дна. Конечно, я не так много слов вспомнил, но все-таки понял, что сундук с золотом спрятали на дне пропасти.

Остальные тоже, оказывается, вспоминали. На следующий день мы уже могли примерно рассказать содержание. Все вместе, конечно: один одно слово сообразил, а другой другое. Девочки, например, насчет любви все сообразили со страшной силой. Оказывается, индеец девушку к столбу привязал, чтобы она за него замуж вышла.

Когда мы все это рассказали, директор показал нам вторую серию, но уже не на уроке, а после. Вторую серию мы лучше поняли.

Директор нам стал показывать фильмы почти каждую субботу. И все на немецком языке.

А на уроках директор требовал, чтобы отвечали только на немецком. Если какое слово забыл, он отметку не снижал и подсказывал. В третьей четверти мы уже прилично стали шпрехать, один только Батон хлопал ушами, потому что запомнил очень плохо. Он говорил, что когда по-русски читает, то все представляет, про что читает. Прочтет, например, слово «ло-

шадь» и видит лошадь с хвостом и с копытами. А когда по-немецки читает, то в глазах у него представляются не предметы, а какие-то червячки прыгают, без всякого смысла.

Но все-таки троечки Батон получал, потому что он хитрый и умел как-то на Ивана Сергеевича действовать, представлялся, будто он неспособный, но зато жутко откровенный.

Иван Сергеевич его спросит:

— Ну, почему ты опять ничего не знаешь?

Батон вздохнет и ответит:

— Потому что я неспособный.

— Что значит неспособный?

— Ну, дурак я, — поясняет Батон.

— Ну, Мелков, смотри. Уж в следующий раз...

А в следующий раз Батон пару слов выучит, и директор жутко обрадуется и поставит ему тройку.

В школе мы директора видели мало. Но и дома он тоже не сидел.

Когда у директора не было уроков, он все время куда-то уезжал. Говорили — хлопотал насчет денег и материалов, чтобы школу перестраивать. Но уж когда он к нам в класс заходил, мы даже догадаться не могли, что с нами через минуту будет.

К нам учителя из Приморска приезжают, только одна Мария Михайловна здесь живет. И с другими учителями все было ясно: придет, спросит, поставит сколько-то там отметок, выкинет Батона из класса, если тот разболтается, объяснит урок и домой уедет. А директор — никогда заранее не знаешь, что сделает.

Как он нас каток заставил постронть — это смех один.

Пришел один раз и говорит:

— Был я на днях в Камышовке, заходил в школу...

Мы молчим. Камышовка как Камышовка... Школа там совсем маленькая, при рыбхозе. Ребята воображают, что они короли, потому что там в каждом доме лодка с мотором. По бухте они к нам плавают, а по берегу мы их не пускаем — даем банок, чтобы не воображали.

— Ребят тамошних знаете? — спрашивает директор.

— Знаем, — говорю я.

— Воображают много.

— Ясно, — сказал директор. — Мне тоже показалось, что они хвастуны.

— А чего они хвастались, Иван Сергеевич? — спрашивает Батон.

— Да ничего особенного. Теперь-то мне понятно, в чем дело.

— А в чем дело?

— Подождите, как же они сказали? Примерно так: трое на одного вы храбрые, а если ровно на ровно, то они вас... Как же это? Ага! «Разметелять!»..

— Разметелять?! Так и сказали? — взвился Батон.

— Точно так.

— А вот мы после уроков туда сбегает.

— Да они, Мелков, не «банки» имели в виду, — сказал директор. — Они говорили про хоккей — команда на команду.

Тут уж я не выдержал.

— А в шайбу им вообще с нами не светит!

— Да? — спросил директор с каким-то сомнением. — Так, может быть, их пригласить?

— А где играть будем?

— Вы же играете на улице.

— На улице плохо укатано. Если матч, то лед нужен, — говорю я.

— Лед, конечно, лучше, но где же его взять?

— Льду у нас целое море, — говорю я. — Расчистить надо.

— Этот лед не годится, — сказал директор. — Сегодня расчистите, а завтра дунет с берега и угонит ваш каток.

Это он верно сказал, лед у нас все время гуляет.

— Да и залить недолго, — говорю я. — Только шланг нужно достать. На водокачке попросим.

— А дадут?

— Неужели не дадут! — сказал я. — Вон у Кольки отец — слесарь, он у них все время там ремонтирует. Колька, поговоришь с отцом?

— Можно, — сказал Колька.

— А ты думаешь, получится? — спросил Кольку директор.

— Получится, — ответил Колька, и все в классе уже знали: если Колька так сказал, то шланг будет.

Но директора наш шланг не очень обрадовал. Он сидел какой-то унылый. А мы его, как дурачки, уговаривали.

— Земля сейчас мерзлая, — говорит директор. — Вам площадку не выровнять.

— У меня отец на тракторе, — сказал я. — Ему на десять минут работы.

— А он согласится?

— Не знаете вы моего отца, — говорю я.

— Дни сейчас короткие, — говорил он. —

Пока уроки выучите, темно будет. Какой интерес в темноте кататься?

— Можно свет провести.

— А как?

— Четыре столба нужно вкопать, — сказал Умник. — Там метров двести примерно.

— Нам столбов не достать, — сказал директор.

— А у коровника линию как раз меняют. Нам и старые годятся.

— А провода?
— Тоже можно оттуда взять.
— Да? — с сомнением спросил директор.
— Да, — сказал Умник.
— А кто линию потянет?
— Мой отец, — сказал Умник. — Он вообще-то электрик...

— Иван Сергеевич, можете не сомневаться, — сказал я. — У нас слово — слово. Через воскресенье все будет готово.

— Ну, ладно, — нехотя сказал директор. — Уговорили. Давайте строить. Звонить, что ли, в Камышовку?

Заливали каток мы сами.

А через воскресенье пришли к нам камышовские, и мы их разделили 16:6.

После игры я сказал Сашке, камышовскому капитану:

— Ну, кто кого разделал?

— А мы и так знали, что вы сильнее, — ответил Сашка. — Вот летом, на моторных лодках вы к нам не суйтесь. А про хоккей мы ничего не говорим.

— Чего же тогда хвалились?

— Мы и не хвалились.

— Ври, нам директор сказал.

— Чего сказал?

— Что вы нас грозились разделить.

Сашка посмотрел на меня, как на полумного, и говорит:

— Это вы грозились. Мы даже каток начали делать, только не успели. Это у вас тут бульдозеры, а у нас все надо руками.

— А чего он к вам приходил?

— Он же у нас немецкий ведет, — сказал Сашка. — У нас учителей не хватает. А в будущем году мы к вам перейдем.

— Этого еще не хватало, — возмутился я. — Только ты все врешь!

— А ты у него спроси.

Иван Сергеевич сидел на краю поля. Он постелил полшубок на камень, как раз на тот, который я с поля выволакивал, и сидел в одном свитере. Ему было жарко, потому что нашу встречу он судил без коньков, а носиться ему приходилось по всему полю.

На поле катались девочки. Они притащили радиолу, воткнули ее в розетку на столбе и теперь наслаждались.

Сверху светила лампа, падал легкий снежок, и вообще все было как на катке в Приморске, только бесплатно.

— Ну, что, Мурашов, хорошее дело сделали? — спросил меня директор, когда я подошел.

— Мы-то? — сказал я. — Конечно, нормально.

— Вы-то? — переспросил директор. — Вы пока ничего не сделали. Это все отцы ваши.

— Но поле-то мы заливали!

— Разве что заливали...

— Иван Сергенч, — спросил я, — а кто кого вызывал? Они нас или мы их?

— Это уже другой вопрос, — ответил директор.

Он посмотрел на меня, засмеялся и повторил:

— Это уже совсем другой вопрос, Мурашов.

ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ НЕ ДУМАТЬ?

У нашего будильника что-то со звонком не в порядке. Он звонит не подряд, а с перерывами: вякнет — помолчит, снова вякнет — будто хрюкает. Отец говорит — похоже на сверчка, а по-моему, хрюкает или квакает.

Когда отец составил для меня расписание и будильник стали заводить на половину девятого, я понял, что полчаса — это жутко большой срок.

Раньше я вставал в восемь и, полусонный, тыкался по углам — искал то носки, то учебники. Теперь, когда все собрано с вечера, даже полчаса слишком много. Теперь я встаю по своему расписанию. Я его отработал на опыте: пару раз пришел в школу раньше, пару раз опоздал, но зато сейчас ни одна минута у меня не пропадает и ни одной нет лишней.

Будильник хрюкнул, я подскочил и увидел, что стрелки стоят на половине девятого. Ботинки у кровати, брюки разложены на стуле около кровати, и я подумал, что пять минут выгадать можно.

Я отвернулся к стенке и заснул. Но заснул так, что и во сне помнил — нужно проснуться через пять минут. Я вообще умею так спать, что сам сплю, а сам в это же время думаю. Могу думать о чем хотите, но тут нужно думать о том, прошло пять минут или нет.

Когда мне показалось, что прошло, я снова проснулся и посмотрел на будильник. Прошло целых семь минут. Я подумал, что на завтрак пятнадцать минут будет жирно, и решил поспать еще три минуты для круглого счета.

Снова проснулся я уже без пятнадцати девять. Если часы показывают без пятнадцати девять, то больше одной минуты спать уже нельзя. Так я и сделал: проспал ровно одну минуту и встал без четырнадцати девять.

За четыре минуты я успел одеться, выпить стакан молока, завести будильник и положить его на Людкину кровать ей под самое ухо. Она этого очень не любит и называет дурацкой шуткой.

По дороге в школу я успел забежать за Колькой. Он живет теперь в пятиэтажном доме. У нас построили два таких дома, на самом берегу залива. Колька еще прошлой осенью туда переселился. У них квартира на пятом этаже. Они все никак не могут решить, довольны этой квартирой или нет. Мать довольна, что картошку где-то хранить, это довольно, что ванная есть — в ней стирать удобно. Колькиному отцу на ванную наплевать: он париться любит и ходит в баню. Зато ему нравится, что не надо с дровами возиться и есть водопровод.

А Колька на все наплевать — на ванную, на дрова и на картошку. Ему нравится на пятом

этаже. У них окна выходят на залив и все далеко видно: острова в море, все проливы, бухты, иностранные корабли, которые ползут по фарватеру. Особенно ему нравится сидеть у окна вечером, когда пограничники светят в море прожектором. У них прожектор мощный: даст лучом, как саблей — так и кажется, что корабль пополам разрежет.

Другие сидят телевизор смотря, а Колька — в окно устается. Колька вообще много не разговаривает. Я, например, если увижу, что кто-нибудь из ребят что-нибудь не так делает, сразу начинаю орать: «Эй, ты, у тебя голова или морковка, соображать можешь или нет!» Ору я всегда за дело, но на меня обижаются, а Колька скажет два слова, и его слушают.

Не знаю, почему так получается. Я ведь сильнее Кольки, и рост у меня больше, и отметки лучше, да и вообще ум у меня быстрее соображает. Но мне же еще Кольку в пример ставят, говорят: «Хороший у тебя друг!»

Когда я подошел к дому, Колька уже спустился вниз. Он держал в руке большую союльку и смотрел сквозь нее на солнце.

— За островами море уже чистое, — сказал Колька. — Весь лед угнало.

— Еще вчера, — сказал я.

— А в бухте еще есть.

— Ну и что?

— А то, — сказал Колька, — что нужно лодку готовить. За зиму она рассохлась нацисто.

Ключ от лодки нам обещали еще зимой. Раньше мы ее, конечно, и так брали, без ключа. Теперь будем законно, с разрешением. Только на это разрешение десять запрещений: к острову Мощный не плавать, из бухты не выплывать, с лодки не купаться, к камням не прикапывать и, конечно, не тонуть. Кроме того, лодку зашпаклевать и покрасить.

— Мураш, — сказал Колька, — давай мотанем сегодня с уроков.

— Зачем?

— Лодку посмотрим, в мастерскую сходим. Может, вару достанем.

— Мне сейчас мотать нельзя, — сказал я. — Мопед зарабатывать. Мне даже опаздывать нельзя. Идешь ты в школу или нет?

— Неужели я один буду мотать!?

В общем, нам пришлось в школу бежать бегом, и мы еле успели обогнать в коридоре Марию Михайловну и заскочить в класс раньше нее.

Мы сели, Мария Михайловна начала урок.

На первом уроке я всегда почему-то плохо соображаю. Мария Михайловна нас чему-то учит, а я будто ничего не слышу. Крутятся у меня в голове разные мысли: про мопед, про лодку. Одна мысль за другую цепляется, только они не вперед идут, а назад. Вспомнил, например, свой сегодняшний сон...

Мне вообще сны снятся — с ума сойти мож-

но. Самое главное, что я во сне всегда знаю, что это сон, и все равно переживаю.

Сегодня мне снилось, что Колька пошел мой зубы лечить.

Будто я ему говорю:

— У меня зуб заболел.

Он говорит:

— Иди лечи.

— Боюсь — сверлить будут.

— Тогда давай я пойду.

— У меня же от этого зуб не пройдет, — говорю я.

— А я твой буду лечить.

— Тогда другое дело, — говорю я.

Самое главное, во сне мне не показалось странным, что Кольке будут мой зуб сверлить. Наоборот, я думаю: сверлить будут ему, мне больно не будет, а зуб вылезится.

И Колька пошел. И я видел, как ему сверлили зуб здоровенным сверлом, и понимал, что все это вижу во сне. Но во сне я все-таки знал, что лечат мой зуб.

В нашем доме, на другой половине, живет ветеринар Павел Григорьевич. Он специалист по лошадям и коровам. Но в людях тоже разбирается. Я его спросил про свои сны.

— А бывает, что ты во сне падаешь? — говорит он.

— Бывает, — отвечаю. — Только до земли никогда не долетаю, всегда раньше просыпаюсь.

— А что убегаешь, бывает?

— Бывает.

— Тогда так, — говорит Павел Григорьевич. — То, что ты падаешь, значит — ты человек нормальный. Во сне все, бывает, падают. И я тоже. Это у нас от древности осталось, когда люди еще жили на деревьях. Боялись они упасть, думали об этом, вот и до сих пор нам это снится. Что ты убегаешь — тоже естественно. Врешь, наверное, много, безобразничашь.

Но я точно знаю, что никому из моих знакомых такие сны, как в кино, не снятся...

— Мурашов, о чем ты задумался?

Колька мне локтем под бок. Я вскочил.

— Чего?

Ребята гогочут, как гуси.

— О чем думаешь, Мурашов?

Я молчу.

— Садись. И слушай, пожалуйста, повнимательней. Осталось вам терпеть не долго, чуть больше месяца.

Я сел.

И опять стал думать.

Думал о Марии Михайловне. Она тетка хорошая. Только очень старая. Ей лет двести, наверное. Но матери она на меня не жалуется, потому что ей до нашего дома не дойти. То есть она дойдет, конечно, но просто не пойдет. Так что мопед мне все-таки светит.

— Мурашов.

Я снова встаю. Даже злость на себя берет. Почему я не могу не думать?!

Продолжение следует

ЖИВЫЕ И МУМИИ

Галина Георге

„ОПЕРАЦИЯ ПРАВДА“

3 сентября прошлого года по улицам чилийской столицы Сантьяго шла колонна в миллион демонстрантов, пела песни всеобщего любимца композитора, поэта Виктора Хара. Был праздник. Три года как пришло к власти демократическое правительство Народного единства во главе с доктором Альенде.

Земля и ее богатства стали возвращаться чилийцам, народ становился хозяином заводов и фабрик, рудников и шахт.

А ведь на той половине земного шара, где находится Чили, кроме Кубы, не было больше государства, в котором бы власть взял в свои руки народ. Вокруг хозяйничали монополии. Капиталистам были не по вкусу перемены под собственным носом.

И они начали в своих газетах и журналах кампанию клеветы — писали о стране и о правительстве Альенде всевозможное зло.

Вот тогда, в 1971 году, Сальвадор Альенде, президент Чили, и объявил «Операцию правда». Он пригласил в страну журналистов, писателей, общественных деятелей, работников культуры — пусть своими глазами посмотрят на жизнь страны.

И гости увидели: страна стала строить дома для рабочих, открывать новые школы для детей и приводить в порядок старье, — миллионы ребят получили возможность учиться. Они увидели, что рабочие стали управлять предприятиями, что в рабочих кварталах стали лучше питаться, лучше одеваться. Что простому человеку доступно стало лечение и отдых. Они узнали о грандиозных планах Народного правительства, о стремлении к дружбе и миру со всеми народами. Они узнали правду о Чили.

Это был серьезный удар по лжецам. Это расширило круг друзей Чили.

Но одновременно и ожесточило врагов.

ПЕРЕВОРОТ

Год назад, 11 сентября, враги республики совершили фашистский переворот. Мы узнали об этом сначала по скупым сообщениям газет.

Потом телевидение показало нам страшные кинокадры. Президентский дворец «Ла Монеда» на наших глазах рушился и исчезал в огне. Бомбы обрушились дворец в руины...

Как только с дворцом было покончено, начался штурм рабочих кварталов. Хунта принялась за охоту на людей. Арестовывали и убивали в первую очередь коммунистов и комсомольцев.

Потом экран телевизора показал нам костры, в которые недрогнувшей рукой бравые молодцы в военной форме швыряли книги. И тогда многим людям в мире, в том числе и молодым, всего лишь читавшим о войне, вдруг увиделся зловещий фашистский знак — свастика, будто повисший над страной в чистом огромном синем чилийском небе.

ОШЛЕ

Сальвадор Альенде

Рисунок И. Глазунова

КОМУ НУЖЕН ЧИЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

Чили для капиталиста — лакомый кусочек. В этой узкой полоске земли вдоль побережья Тихого океана, которая местами едва-едва достигает в ширину 15 километров, спрятаны медь, нефть, селитра, железные руды, золото, сера, каменная соль и мел.

Рудники и фабрики фашистская хунта возвратила прежним владельцам. Снова к богатствам Чили тянет руки иностранный капитал.

Во времена Народного единства Межамериканский банк не одолжил Чили ни одного доллара! Нынешним властителям страны Межамериканский банк дал в долг 22 миллиона долларов.

Представители финансового капитала 14 капиталистических стран, так называемый «парижский клуб», разрешили чилийским фашистам вернуть часть долга в 760 миллионов долларов только в 1977 году. Международный валютный фонд обещал хунте 90 000 000 долларов.

Стоит ли посягать дальше, кому нужен переворот в Чили!?

Генерал Пиночет, глава фашистского правительства, руководитель переворота заявил: «Прежде всего, никакого государственного перево-

рота не было. Было просто военное движение... Мы постараемся обеспечить нашей стране мир и спокойствие... демократию, чтобы все испытывали счастье быть свободными... Завоевания трудящихся будут в целом сохранены».

ПИНОЧЕТОВЫ „МИР И СПОКОЙСТВИЕ“

Чилийские стадионы превратились в тюрьмы. Туда свозили членов правительства Народного единства, руководителей прогрессивных партий, общественных деятелей, рабочих, журналистов, артистов, писателей...

Бывшему министру национальной обороны и министру внутренних дел в правительстве Альенде Хосе Тоа, когда он находился в военном госпитале, умышленно вводили вредные для его здоровья лекарства, а после смерти Хосе Тоа всюду объявили, что он покончил жизнь самоубийством.

Фотографии руководителей профсоюзов сейчас печатают в газетах, вывешивают на бойких местах со злобной надписью: «Разыскиваются».

[Самым страшным концлагерем стал остров Досон у Магелланова пролива. Не случайно его выбрали,

этот остров! Скалистая почва, никакой растительности, холодный климат: вершины гор покрыты вечными снегами, постоянно дуют холодные ветры Антарктики. В самую жаркую пору температура немногим выше нуля.

На мертвом острове были заточены видные государственные деятели, сотни патриотов. Со сторожевых вышек глядели на них дула крупнокалиберных пулеметов. Сейчас заключенных вывезли с Досона — это силы мира заставили хунту закрыть страшный лагерь.

Считают, что в начале нынешнего года 100 000 чилийцев скрывались от властей. В тюрьмы и концлагеря брошено 10 000 человек. Примерно 25 000 убито фашистами.]

ПИНОЧЕТОВЫ „ЗАВОЕВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ“

В газете «Меркурио», самой верной хунте, написано: «...при теперешних ценах на товары и деньги невозможно представить себе торговца или промышленника, несущего убыток».

У рабочих, крестьян совсем иное положение. За первые три месяца этого года зарплата рабочих упала

МИР ПРОТЕСТУЕТ

«В этот трудный для чилийского народа час, выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей, ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили».

*Из Заявления Центрального Комитета
Коммунистической партии
Советского Союза*

В столице Финляндии Хельсинки прошла Международная конференция солидарности с народом Чили. Чилийцы, вырвавшиеся из своей страны-тюрьмы, политики, журналисты, общественные деятели выступили как свидетели обвинения чилийскому фашизму. Были показаны кинокадры, фотографии зверств фашистской хунты.

Конференция приняла «Декларацию о немедленном разрывании во всем мире движения солидарности с народом Чили».

больше чем наполовину. 250 000 трудящихся выгнаны с работы.

Хунта расправляется не только с рабочими. Из Чилийского университета выгнаны 2 500 студентов. А вообще число студентов вузов в новом учебном году сокращено на 8 тысяч.

ЖИВЫЕ

Сальвадор Альенде, погибший президент Чили, детский врач

Едва предательские пули doctors президента Народного правительства, зарубежное радио с необыкновенной быстротой сообщили: «Ходят слухи, что президент Альенде покончил с собой».

Через день пришлось опровергнуть это сообщение.

Когда во дворец «Ла Монеда» ворвались фашистские молодчики, президент уже был тяжело ранен — два часа, как осколок бомбы застрял у Альенде в плече, а пуля попала в живот.

Капитан, ворвавшийся с автоматом, направил дуло на своего президента, в упор выстрелил...

Альенде предвидел, что может погибнуть. Мало того, был к этому готов.

Он мог бежать от смерти. Шесть часов назад президенту позвонил его адъютант и передал слова генерала фон Шовена: «...ждет самолет, полностью заправленный горючим. Он доставит вас, сенсюр президент, и вашу семью, куда вы захотите».

Доктор Альенде сурово по-военному отчитал генерала фон Шовена за его предложение: «...президент Чили не намерен спасаться бегством на самолете, а генералу следовало бы научиться выполнять свой долг солдата».

Журналистка А. Богатых во время Международного Конгресса миролюбивых сил в Москве встретила с бывшим министром здравоохранения Чили Оскар-ом Хименесом и записала его рассказ.

— Самые добрые люди на свете — детские врачи. А он был самый добрый из всех детских врачей. Боль за каждого чернотазого, неугомонного, который с младенчества не пил молока, никогда не сосал конфету, ни разу не открывал дверь школы, — мучила сердце будущего президента. Как только Альенде стал главой правительства, сразу провозгласил:

«Все возможное — детям! Дети — единственный привилегированный класс».

Двадцать пять миллионов долларов в год шло на улучшение питания детей моей страны. Ежедневно каждый ребенок получал пол-литра молока, витамины. Всем маленьким гражданам Чили была предоставлена возможность учиться.

За несколько часов до смерти Сальвадор Альенде обратился к своему народу по радио. Сохранилась и сейчас обошла весь мир магнитофонная запись его речи: «Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеть все, и в этот горький и тяжелый момент, когда стране пытаются навязать предательство, знайте, что недалеко тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество». Он заявил это, когда ко дворцу уже ползли, наводя орудия, танки и мчались машины с вооруженными карабинерами.

Пабло Неруда, поэт, коммунист, лауреат Международной Ленинской премии „За укрепление мира между народами“

Когда в Испании в 1936 году произошёл фашистский мятеж, Неруда был там чилийским послом.

Вот с какого времени он знает, как страшен фашизм. Вот почему стал коммунистом.

Неруда был болен, когда хунта захватила власть в стране. Друзья решили скрыть от поэта это событие, не стали говорить ему и об убийстве Сальвадора Альенде. Боялись, что Пабло не вынесет таких ударов.

Поэт не поднимался с постели, но рядом стоял телевизор, радиоприемник, — Неруда узнал о случившемся, и это потрясло его, день ото дня ему становилось все хуже. Но радиоприемник в доме не выключался. Передачам фашистской хунты Неруда не верил. Он слушал радио СССР, Аргентины, Венесуэлы.

На пятый день Неруде стало совсем плохо. Но врач его был арестован. Вызвали «скорую помощь».

Явились солдаты. Обыскали дом, увезли Неруду в больницу. В тот же день он умер.

А несколько месяцев спустя фашисты украли тело поэта из могилы.

КОММУНИСТЫ, ЖИВЫЕ ИЛИ МЕРТВЫЕ, СТРАШНЫ ФАШИСТАМ.

ФАШИСТАМ НЕ ПОНЯТЬ, ЧТО ГЕРОИ НАРОДА В ЕГО ПАМЯТИ, В ДЕЛАХ, В СТРЕМЛЕНИЯХ ОСТАЮТСЯ ЖИВЫМИ.

МУМИИ

Сразу после переворота четыре галавры хунты появились на цветных фотографиях в западных журналах. За спинами — старинные гобелены — как намеки на то, что они, генералы — сторонники старины, старых порядков, старых идей.

У генералов на удивление похожие биографии! Генерал Пиночет, генерал Ли — один из них был военным, другой военно-морским аташе в Вашингтоне. Адмирал Мерино — военно-морским аташе в Лондоне. Генерал Бонилья — военным аташе в Мадриде. Кроме того, Пиночет и Мерино служили офицерами связи НАТО.

Ясно, чьих песен они слушались и с чьего голоса поют.

Гориллами называют их чилийский народ.

Мумиями называет их чилийский народ.

Разве скажешь точнее?!

МИР ПРОТЕСТУЕТ

Говорит заместитель председателя Советского комитета солидарности с чилийскими демократами, заместитель председателя Советского Красного Креста и Красного Полумесяца Федор Галактионович Захаров: — Все честных людей земли потряс переворот в Чили. Комитеты солидарности с чилийскими демократами, митинги протеста, обращения в ООН в защиту патриотов Чили, в защиту Генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, которого хунта мучает в застенках, — все это протест людей разных стран.

Советский Красный Крест уже послал в Чили 800 посылок. На остров Досон, в шахты Чукикамату, превращенные в концлагерь, и семьям политзаключенных. В этих посылках теплое белье, одежда, обувь, продукты, медикаменты.

Сейчас мы отправили вторую партию.

Московские школьники сдали металлолома и макулатуры на несколько десятков тысяч рублей. Деньги пойдут на помощь патриотам Чили.

Яркая звезда

Небо южного полушария. Америго Веспуччи восхищался его красотой и первый описал его созвездия. С тех пор увидеть южное небо — мечта каждого моряка. Канопус — одна из самых ярких звезд в этом небе.

Судно, на котором я иду в рейс, тоже называется «Канопусом». Мой «Канопус», мой маленький СРТ, что значит средний рыболовный траулер, стоит на приколе в рыбном порту, недалеко от Владивостока. Я давно уже привык к мысли, что это — мой дом. Каюту мне выделили уютную, на двоих с моей коллегой и приятельницей Мариной.

За семь месяцев либо разругаемся, либо жить друг без друга не сможем, — смеется Марина.

В самом носу, в сетяном трюме мне отдели лабораторию.

Я не знала, что такое «сетяной», и была просто довольна: своя лаборатория.

И вот иду к себе. С палубы железная дверь ведет в сетяной трюм. Вокруг. Темнота. Вытягиваю руку — стенка. Не даюся, вытягиваю другую руку — стенка. Поворачиваюсь и

НАД НАМИ КАНОПУС

С. Степаньяц

(из дневника)

опять тяну руку — опять стенка... Нахожу выключатель, зажигаю свет. Сколько же здесь стен? Всего четыре! Но от одной до другой стены не больше полутора метров, да еще они скошены — ведь это самый нос.

У меня есть стол, стул, даже шкаф и полка. И еще два крана для пресной — ель, и для морской — ежк воды. Очень скоро лаборатория приобрела жилой вид. Появились книги, тетради, тушь, чернила и клей, банки с формалином и спиртом, прибор для взвешивания планктона. На столе встали бинокляр и микроскоп. Все это тщательно привязывалось, приколачивалось, приклеивалось к стенкам, столу и полу. Даже стул привязали к столу, чтоб не упал, а дверцу шкафа к стулу, чтоб не стучала...

И вот 13 декабря, понедельник, 15.50 по вла-

УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

Рисунок Ю. Клыкова

дивостокскому времени. Температура воздуха — 24°, светит яркое солнце. Мы стоим на мостике и снимаем первые кадры. Мимо проплывают берега, сопки, мысы, остаются позади острова Попов, Русский, Аскольд. «Началось, началось, началось!» — все ликует во мне так, что я не знаю, плакать или смеяться.

Идем Японским морем. Всего второй день плавания. Каждый занят своим делом, а дел предостаточно — все должно быть готово к началу работ. Едва закончился обед, капитана вызывают в рубку.

— Справа по борту судно, — объявляют по радио.

Небольшая желтая шхуна еще далеко, но в бинокль видны номер и иероглифы, видны люди на борту. Они ведут себя странно — прыгают, машут, что-то кричат.

Спустя полчаса японская шхуна у нашего борта. Четыре человека — команда — все разом показывают на трубу. Машина, дескать, не работает. Английского не знают, русского — тем более, ну, а мы не понимаем по-японски и потому объясняем жестами. Ясно, что они просят помощи. Приносим карту, и японцы показывают город Отару. Это — их порт.

На корме сушатся рыба, развешены плавники акулы — излюбленное кушанье японцев, по-всуду разложены снасти. Шхуна мадьякская и ветхая, понимаем, что рыбаки не больно-то преуспевают.

Пока идет осмотр машины, мы объясняем, все жестами, и узнаем, что вот уже трое суток носит шхуну по Японскому морю. Не работает двигатель, вышла из строя рация, совсем нет пресной воды и никаких продуктов.

Почти час идет ремонт. Наши механики бегают с инструментами. Приносим провант, небольшой запас хлеба, папиросы. Делимся пресной водой, хоть и для нас она — дефицит. Наконец затарахтел мотор. Из трубы, похожей на самоварную, показался дым. Пора прощаться с рыбаками. Какие они радостные! Жмут нам руки, машут своим пестрым флагом. Им на север, ну а нам — на юг. Долго же

мы стоим у борта и уже в бинокль видим седога японца, наверно, капитана, с флагом в руках.

Рыбы вкуса

В Ленинграде друзьям я любила рассказывать, как удивительно богат океан. Какое великое множество организмов населяет его. Жизнь кипит на дне, у самого берега, в толще воды и у самой ее поверхности. Я рассказывала своим знакомым, что мельчайшие водоросли, рачки, моллюски, черви, медузы и другие организмы, которые плавают в океанской воде, называются планктоном.

Планктоном кормятся многие рыбы и даже киты. Планктоноядные рыбы: сайра, сардины, анчоусы — любимое кушанье крупных хищных рыб, тунцов и мечеобразных. Там, где больше планктона, там должно быть больше планктоноядной рыбы и где-то поблизости охотятся на нее хищные тунцы. Они-то, эти тунцы, да еще мечеобразные как раз и интересуют нашу экспедицию.

В поиске примут участие еще ученые-гидрологи. Они изучают условия, в которых любят тунцы жить. Где условия более подходящие, там и рыбы, наверно, будет больше.

Каждые 60 миль — станция. «Канопус» ложится в дрейф. Это значит останавливаются двигатели и судно оказывается во власти ветра и волн. Якорь здесь не поможет — под нами несколько тысяч метров глубины. Начинают работу гидрологи — берут пробы воды. Вслед за ними опускаем планктонные сетки.

Собранный планктон нужно взвесить — определить его биомассу. Нужно детально изучить состав каждой пробы.

Потом мы составляем карты распределения планктона. На карте сразу видно, где планктона больше, а где меньше, где «поля питания» богаче, а где беднее. По такой карте легко найти промысловую рыбу.

Когда ловим рыбу, обязательно вскрываем ее желудок. Вот и получаются, что мы узнаем вкусы большинства рыб.

Шкатулка Нептуна

В институте мне сказали:

— Собирай коллекцию интересных морских животных. Все, что сможешь, фотографируй, рисуй и записывай.

Вот что я поймала.

Морские водомерки. Живут водомерки только на поверхности и только в открытой части океана, то есть за сотни миль от берегов. Галобатесы — такое они носят имя — держатся на воде с помощью очень длинных и широко расставленных в разные стороны лапок и благодаря воздушной жилетке, окутывающей их небольшое тельце. Жилетка придает животному

серебристо-металлический блеск. Очень быстро носятся, скользят по водной глади галобатесы, иногда выпрыгивают из воды на метр, а то и больше, будто взлетают в воздух, и тотчас плюхаются обратно.

«Португальский кораблик!» Мы знали, что непременно их увидим, но, когда первый раз повстречали, не успели предотвратить неприятность...

— Ведро, ведро, скорей ведро! — кричу Марине. — Физалии!

Ведро привязано за конец и брошено в воду. И вот физалия — наша пленница. Вокруг толпа.

— Что за пузырь? Рассмотреть бы поближе... — один из любопытных опускает руку в ведро...

— Нельзя, не трогай!

Поздно — на руке, как от удара хлыстом, красная полоса. Рука горит, будто от ожога. Спустя полчаса у пострадавшего поднялась температура. А полегало лишь на следующий день.

Пришлось рассказать команде о физалии. Она безобидна только внешне. Красивый фиолетовый пузырек на поверхности океана! Он наполнен газом и служит поплавком-парусом. Ветер гонит физалию по морю, как кораблик. Вот почему ее называют «Португальским корабликом». А вниз, под воду свешиваются длинные шупальца. Они, как удочки, ловят для животного пищу. Удочки ядовитые. Они вмиг убивают мелких рыбешек. Единственная рыбка номуеус застрахована от гибели в объятиях физалии. Она не боится ожогов ядовитых шупалец и прячется среди них от других хищников.

Ночью на станции в полосу света стремительно высочилась светящаяся цепочка. Переливаясь серебристо-коричневыми перламутровыми оттенками, цепочка замерла у самого борта. Зачерпнули ее ведром и рассмотрели поближе. А это — маленькие раковинки. Они склеились друг с другом, чтобы легче было дрейфовать на поверхности моря. Раковинки тоненькие, почти прозрачные, но прочные. Это же аргонавты! Иначе их называют «Бумажными корабликами». Аргонавты — моллюски, но не простые, а головоногие, потому что на голове у них восемь ног... Раковинки же принадлежат только аргонавтикам. В них аргонавтики откладывают икру, в них прячутся от опасности.

Мы опустили нашу цепочку в небольшой аквариум, и тотчас из каждой раковинки выпали тысячи мельчайших, похожих на бисеринки детенышей — микроскопических аргонавтиков.

У кальмара десять ног, и все они на голове. Кальмар тоже головоногий. Он водный скоротход. Бегаёт кальмар не ногами. Есть у него особый двигатель-воронка. Через нее моллюск выталкивает воду, а движется в сторону, обратную струе воды. Очень давно появились кальмары — чуть ли не 500 миллионов лет на-

зад — гораздо раньше, чем появился на земле человек...

Кальмар — охотник. Он ловит мелкую рыбу, для этого-то и нужно ему «быстро бегать». Но, бывает, кальмару приходится прятаться от преследования. Ведь у него есть враги... И, если ударить не удастся, кальмар пускает в ход очень хитрое приспособление. У него есть чернильный мешок, а в мешке вырабатывается особое чернильное вещество. В момент опасности кальмар выбрасывает в воду облачко темно-фиолетовой жидкости и под прикрытием этой завесы ускользает от хищной рыбы или морской птицы. За эту особенность итальянские рыбаки называют кальмара «каламайло» — «чернильной бочкой».

Рыболовные снасти спускаются в море на несколько часов. Когда выбираем сети из воды, часто находим в них маленьких крабиков-плянсов с выпученными бусинками-глазками. Один такой пострел, мы назвали его Толькой, прижил у нас две недели в обычной литровой банке с морской водой.

Толька устроился на кусочке пенопласта, брошенного в банку. Он сидел чаще всего вверх ногами, на нижней стороне пенопласта, в тени. Иногда вылезал наверх «позагорать» и ждал, когда его покормят. Толька ел кусочки рыбы, мелкие рачков, очень любил хлеб и не гнушался отведать... своих сородичей. Но однажды один из сородичей, брошенный в банку, остался жить. Мы увидели, как он уселся рядышком с Толькой в тени, и решили, что это — Машка. Машка оказалась неблагодарной. Через два дня после ее поселения Тольку нашли мертвым на дне банки с отъеденными ногами. И Машку приговорили к казни...

Не наши друзья

Акула опасна. Акула агрессивна. Акула коварна, свирепа, прожорлива. Акула кровожадна и глупа. Какая же еще акула?! Так ли уж справедливы все обвинения или, может, есть что-то светлое в характере акулего племени? Это интересно в наших, в том числе и нас. Акул мы изучаем тоже. Но как бы там ни было, доброго чувства к акулам у нас нет...

— Есть! Стоп! — в очередной раз закричал тралмастер.

Все свободные от вахты прильнули к борту. Силуэт гигантской рыбы четко вырисовывался в прозрачной спокойной воде. Поводец натягивался все сильнее и сильнее. Держать его приходилось уже вдвоем — того и глядя выскользнет из рук и вместе с ним уйдет на глубину клюнувший великан.

— Приготовьте побольше багров!

— Не натягивайте поводок! Потравите немного, пусть успокоится, не то уйдет!

— Так, так, осторожно! Ведите, ведите!

Тралмастер, капитан, начальник экспедиции — все собралось возле ярусоподъемника. Всем не терпится узнать, что же за гиганта ведут сейчас на поводке-удочке рыбаки... И вот рыба у поверхности, подведена к самому борту, показалась голова...

— Что за чудовище!

— И на рыбу-то не похожа...

— Да это акула «молот»!

— Зло подшутила природа над беднягой, — наш коз Вася настроен философски. — Вряд ли ей хорошо живется с такой рожей!

— А ты смеки! Ведь таким молотом обороняться неплохо...

Другой раз клюнула сельдьвая акула. Ее мы отнесли на камбуз. Говорят, мясо акулы вполне съедобно. Почему бы не попробовать... Вася поджарил обваленные в сухарях куски и подал к обеду. Он часто делал на второе рыбу, и это блюдо никого не удивило.

— Что за рыба?

— Вкусная, только жирновата...

А Вася молчит. Мы — авторы идеи — молчим, конечно, тоже. И только когда закончился обед, сообразил, что на второе была акулятина. С тех пор, как только на камбузе готовится рыба, особенно брезгливые приходят узнать, не акулой ли собирается нынче потчевать хитрый Вася.

На палубе акулу почти всегда убивают... Что поделаешь, таков на флоте закон! Не любят рыбаки акулу. Сколько ни рассказывать, сколько ни убеждать, что не все акулы страшны, что не все опасны для человека — ничего не помогает.

Очень редко акулу удается отстоять. Для этого возле снайпера дежурит ихтиолог. Нам нужны совсем свежие, живые акулы, потому что мы их метим... Метим почти так, как метят птиц, чтобы узнать, куда плывет акула, какие расстояния и за какое время перекрывает она в океане.

Акулу вытаскиваем на палубу и заботливо поливаем водой — она не должна уснуть. Несколько человек держат рыбу баграми, страхуют того, кто производит главную часть операции. А ему нужно быстро и ловко прицепить к спинному плавнику колечко с непрокоаемой ампулой. В ампуле записка — этикетка с данными о том, где и кем поймана акула, ее размеры (акулу еще и измеряем!) и наш адрес во Владивостоке.

Наконец ампула прикреплена. Живую и изрядно помучавшую нас, взбесившуюся акулу кидаем за борт. Кидаем с трудом и не без риска для жизни! Пускай плывет! Может, где-нибудь поймают ее еще раз, прочтут наше послание, снова измерят и сообщат во Владивосток, где встретилась и насколько выросла с тех пор наша акула.

Мы поместили больше ста разных акул... А недавно пришло известие, что одну из них выловили у берегов Японии.

Окончание следует

БАРАБАНЫ

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ „КОСТРА“

Оформление Г. Ковенчука

Первое сентября.
Первый урок.
Первая тетрадь...

Почему наши мальчишки ко всему равнодушны? Что бы мы в отряде ни затевали, им все безразлично. Один за другого прячется. Им неинтересно даже тогда, когда проводятся викторины, конкурсы КВН и вечера загадок.

Нам очень хочется, чтобы мальчишки проснулись от долгого сна.

Дайте нам какой-нибудь совет!

Лена Коробкова,
Екатеринбург,
Республиканский детский дом

Лена! То, что происходит в вашем отряде, происходит и во многих других. В чем же дело? А вот в чем: не мальчишеская жизнь в таких отрядах. Заниматься только умственной, застольной работой неправильно. Мальчики (да и многие девоч-

ки!) любят живые, подвижные занятия. Скажи, бывают ли у вас походы? Спортивные соревнования? Турниры, требующие испытаний на силу, ловкость, смелость? Просто игры во дворе? А стрелковый кружок у вас есть? Вот дело для мальчишек!.. Вся беда в том, что пионерская работа у вас в отряде очень однобокая. Вот мальчишки и в стороне от нее.

...И снятся мальчишкам
Отважные сны:
Как будто они —
Чемпионы страны!
Как будто стреляют,
Как будто плывут,
Как будто... А их
На собрание зовут...
КОСТЯ ТЕРКИН

Отклик на заметку «МУРЗИКИ И ТУЗИКИ»

(«Барабан» № 2)

Здравствуй, Барабан!
Еще недавно и у нас не было дружбы в классе. Друг друга называли не по имени, а кличками. Сейчас такого нет. Хочу посоветовать Гале Д., которая писала, что у них не дружат мальчишки и девочки. Проводите больше времени вместе. Походы, экскурсии, субботники очень сближают.

Люда Краценко,
село Павловка Алтайского края

Таня

— послушная, тихая, любит обеды готовить. Что учительница скажет, то и исполнит.

Витя

— радиотехник. Больше ничего не признает.

Соня

— болтушка и слезливая. А поет как заслуженный соловей.

Коя

— хоккенист и драчун. Ему бы на своем настоять.

Вера

— глаза ясные, голос звонкий, чистенькая, наглаженная. Обожает репорты со сцены читать.

Даша

— задумчивая, стихи сочиняет — про любовь и космос. Мечтает о путешествиях.

ШКОЛА ВОЖАТИНА

В актив выбирает отряд Четверку отличных ребят. Кого ты предложишь из них! Скорей назови четверых!

Валера

— самый маленький. На всех уроках рисует карикатуры. На сбор не затынешь — говорит: «Мне в художественную школу...»

Рома

— модник, волосы до плеч. Сам себе брюки шьет и рубашки.

Сима

— самый веселый человек. Входит в класс — все смеются. А цыганочку пляшет — заглядение!

— отличница, а помогать не любит. Все «фу» да «фу»... На рояле учится играть.

ВНИМАНИЕ!
Вожатик сообщает всем своим друзьям, что ответы на задания его школы будут напечатаны в „БАРАБАНЕ“ № 12.

МЕЧТА

Жил мальчишка, лихой, смешливый. Из-под шапки вихор шальной. Был он добрый, в меру ленивый. Очень храбрый и озорной.

Бера

Мяч гонял он, случались драки. В общем, парень такой, как все. Только втайне мечтал о собаке, О красивом и умном псе.

«Научу я его всем наукам. Чтобы мчался на первый зов. Стал бы пес моим верным другом. Понимал бы меня без слов...»

И не страшно тогда ненастье, Ни беда, ни мороз, ни зной. Если с другом разделишь счастье Он разделит беду с тобой!»

Ира Моисеенко,
8 класс, Ленинград

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ,

кто участвует в конкурсе Карикатура и фотоконкурс „Вот это да!“ Следите за выпусками Барабана. Начиная с № 10, будем публиковать ответы на ваши письма!

У МЕНЯ ЛИЧНЫЙ ВОПРОС...

Дорогая редакция! У меня к вам личный вопрос. Напишите, как избавиться от безволия? У меня воли нет, а если и есть, то очень слабая. Например, не хватает воли на уроке помолчать. Задание начну дома делать — или до конца не доведу, или плохо сделаю. Была хорошистой, а теперь на тройки съехала. Ходила на гимнастику — бросила. Хор тоже бросила. Не бросила я только пятый класс, в котором я вожатая. Хочу научиться их относиться к гимнастике по-пионерски. Это очень большое мое желание!

Извините, что написано бессвязно.

Наташа Долгополова,
Алма-Атинская область,
город Иссык

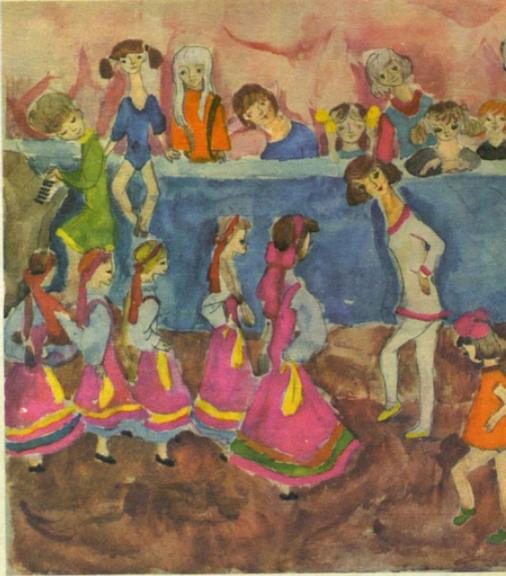
Дорогая Наташа, письмо твое вовсе не бессвязно, поставлен в нем серьезный вопрос. Он волновал и волнует множество людей не только твоего возраста. Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в юношеском дневнике постоянно упрекал себя в слабости воли и искал способы, как укрепить ее. Приказывал себе сделать что-нибудь труд-

ное, ну, скажем, выполнить сложное гимнастическое упражнение, которое у него до этого не выходило. Бывало и так: приказ себе дал, а выполнить поленился. Тогда в дневнике появлялась беспощадная запись.

Собственно, для укрепления воли надо и много, и мало: всего лишь заставить себя делать то, что не хочется. Делаешь по утрам зарядку? Каждый день или иногда? Заставь себя каждое утро преодолевать сонливость и лень — и ты одержишь важную победу над собой. Или — попробуй регулярно вести дневник, это поможет тебе формировать волю и характер. Именно дневник, а не опись происшествий — где была, кого видела, о чем говорили. Дневник — это в первую очередь — разговор с самим собой: так ли живу, как надо?

А главное, Наташа, иметь в жизни цели, большие и малые. Кто их не имеет, тот плывет по течению, а значит, не сможет избавиться от безволия.

И последнее: ты ведь вожатая. Не умеешь себя воспитать — как же воспитываешь своих подшефных?

РЕПЕТИЦИЯ

Ханова Жанна, 12 лет, Алма-Ата

На
о
д
н
и
в
н
п
л
о
ч
к
и
н

В 1924 году я стал пионером. Мне запомнилось военная игра «Осаждение Симбирска». Каждый год 11 сентября отряды «красных» должны были незаметно выйти вечером из города и занять рубежи, которые когда-то занимала

Железная Симбирская дивизия под командованием легендарного Гая. Бой начинался рано утром. У «красных» на ружьях были красные повязки, у противника — синие. Сооруж повязку — считайся убитым. «Красные» штурмовали город по плану Гая и всегда побеждали. Победители заходили в город торжественным маршем под звуки военного оркестра. Над центральной площадью звенело красное знамя...

Воспоминания А. Л. Должикова записал слесарь школы № 1 имени В. И. Ленина, город Ульяновск

— Ребята! Кто из вас не побоялся прыгнуть с парашютной вышки?
— Я!
— Молодец, Маша!
— А «мама» кричать можно?

— Вова, почему ты, когда снимаешь, высовываешь язык?
— Мама говорит, у меня на карточках вид глухой. Вот и нарочно и высовываю — пусть думают, что я притворяюсь глухим...

Мой брат Петья увидел, как в лесу мелькнул лисий хвост, и говорит: «Эй! Вышли бы пораньше — всю бы лису увидели.»

— Палочки, а я тебя вчера и последнем сеансе в кино видел!
— Я в кино не снимался, Инна Петровна, вы меня с кем-то спутали!
— Как бы не так, Палочки! Ты сидел на балконе.
— У нас балкона нет, Инна Петровна. У нас лоджия.
— Фильм был до шестнадцати Палочки!
— До шестнадцати я в футбол играл.
— Ну, Палочки, с тобой не соскучишься!
— Это точно, Инна Петровна.
— Пускай родители в школу придут, Палочки.
— Ой, Инна Петровна, больше и буду!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

1. СВЕЖАКОТ НА СОЛНЦЕ ПРОВОДИТ СПИДЫ, ЛУЧЕТА В ДЕРЕВНО ТОНЕЦ ИЗ СТОЛДЦЫ.

2. СРОИНО! ПЛАКЕТ ЛУЧЕТА ЛУСЦУ! ГДЕ ОСТАВАЛСЯ СЕРБИИ ДА МАКЕ! ПЕРВЫЙ В НАШЕМ ЛЕСУ ЧЕЛОВЕК НЕ ПОЯВИЛСЯ В АР-РЕКЕ!

3. ХВОСТОМ ЛУСЦ ВЫСОКОЙ ПЕШИ!

4. НУ, КАРАКОТЪ, ЕДЕМ ВМЕСТЕ!

5. А ВОТ ПЕРЕД НАМИ СИНОВА ЕРЕМЪ, ФЕЧА И ГАЛА ЧИЖОВА. СОВЕРШАЛСЯ В АРТЕК, НА СПЕД ЮНАТОВ В СООПОВОЖДЕНИИ СВОИХ ЭКСПОНАТОВ.

6. СКОРОСТЮ, СМЕХОМ И ПЕСНЯМИ СПОР, МНАТСЯ АВТОБУСЪ К ВЕРЕТУ МОРЯ. НЕ ЗНАЮТ ЮНАТЫ, НЕ ЗНАЮТ ЛУСЦ, КАКОУ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЖЕЛЕТ ИХ СПОРТИЗ.

7. У-РА! КАРАКОТ В АР-РЕКЕ!

8. ДОРОЖЕ ЧИТАТЕЛИ!

Расстается, но не навеки. Милосердие от вас получить вскоре великое множество рисованных историй. Самые увлекательные — в печати! С ного нечуть!

КАНАТИК

Ранней весной ездил я в Кострому. Волга была подо льдом. Стою посреди реки, люблюсь окрестностями и вижу — из этих самых окрестностей, затянутых легким туманом, вылетают лыжники — мальчишки, девочки лет по двенадцати. Идут ходко, палками орудут вовсю, лица раскраснелись. Одно удовольствие на таких глядеть!

Пока мчались мимо меня, я успел ощутить какое-то удивительное их единство. Слово связаны они невидимым канатиком...

Впереди неся длинноногий парнище, замыкал цепь коротышка. Но длинный-то неся, неся да и поглядывал назад — по силам ли угнаться за ним. И второй, третий так же оглядывались. А замыкающий, по моему, сердился, что скорость недостаточно высока. Или, может быть, радовался, что и его так властно тянет за собой незримый канатик.

„ПЕТЯ—ВАНЯ“ „МАНЯ—КАТЯ“ „ПОЛЯ—ОЛЯ“

Как у нас еще порой случается? Есть в отряде звенья, есть совет, председатель, а самого отряда нет. Потому что Петя дружит с Ваней, Маня в душевном контакте исключительно с Катей, Поля — с Олей. Вроде бы такое не возбраняется, но между собой-то эти пары ничем по-настоящему не связаны. Длинноногие бегут впереди, коротышки барахтаются сзади.

С четвертого класса возникли в этом отряде свои «Петя—Вани», «Мани—Кати», «Поли—Оли». Правда, появился вскоре и совсем особый человек — Юрий Афанасьев, второгодник. Но — нет худа без добра. Афанасьев-то и помог понять, что в отряде отряда нет.

Начнем с того, что новенького Афанасьева перед первым уроком обязательно «обследовал» дежурный по классу: «Опять курил?»

— Ага, — соглашался Афанасьев. — Дальше что?

Дальше? Пети и Вани возмущались отдельно от Мани и Кати, а также от Поли и Оли. Может быть, даже и не возмущались, — ну, барахтается мальчишка-коротышка где-то в отстоящих, — что с того?

А получилось вот что. Решили провести КВН. Команду девочек назвали «Морячок», команду мальчиков «Армия».

— Верно, — сказал Афанасьев. — Смешанные команды нам ни к чему. Девочки готовятся, мы наблюдаем...

Возможно, и не совсем так говорил особенный человек Афанасьев, но знаю, что плохо пришлось «Армии», ведомой Юрием. Девочки вдохновенно станцевали «Яблочко», мальчики сидели на своих стульях. Девочки спели песню «Пионерская душа», мальчики стали по одному продвигаться к дверям.

И вдруг...

Везде есть люди, те самые, кто первым протягивает невидимый канатик соседу.

Спектакль „Колобок“ поставлен самими ребятами.
Музыкальное и художественное оформление Иры Богачевой и Оли Грошевой

Галя Валева (она долго была в группе «Галя—Дина») поглядывала в глаза особенно человеку Афанасьеву и тихо сказала:

— Эх, вы... А еще «Армия»!..
Особенные люди тоже бывают сообразительными. Афанасьев Юрий прокашлялся и сказал, что... (Впрочем, повторяю, я на КВНе не был, представлю-ка лучше слово Гале).

Галя Валева:

— И сказал, что хотел бы дать мне по шее, но лучше прочтет сейчас юмористические рассказы. И стал читать. «Армия» постепенно возвращалась, и мы все стали смеяться. Рассказы действительно были смешные. Но КВН мальчишки все же проиграли. Правда, считалось, проиграли с почетом.

ЛОГУНОВ, ЛОСЬ И ОЛЬХОВЫЕ ШИШЕЧКИ

Конечно же, отряд начинается с людей, но и с хороших общих дел тоже. Наступил сезон сбора ольховых шишечек. И все вспомнили обращение московских медиков к костромским ребятам насчет сбора лекарственных трав. Рабины удалось собрать 480 килограммов. Но ведь ольховые шишечки — не рябина. Собрать их — одно мучение, готовить к сдаче — вдвойне. Во-первых, ольховая шишечка — пушинка, собери-ка килограммы! Во-вторых, у каждой шишечки стебелек надо обрезать так, чтобы он был длиной в сантиметр. Не больше и не меньше. Кто-то заметил, что после такой работы самих сборщиков придется лечить этими самыми шишечками. Посмеялись, потом загрузили: где заросли ольхи — неизвестно, да и лес в глубоком снегу.

В каждом отряде есть люди, с которых все начинается. К ним можно отнести и Володю Логунова. Надел после занятий лыжи и ушел в лес. Знаете выражение — «принять близко к сердцу»? Володя разыскал «шишечные» места и сообщил о них ребятам.

Работали в лесу Пети, Вани, Мани, Кати, Оли, Поли. Тридцать пять пионеров собрали почти 60 килограммов шишечек — целый воз! И все же впереди были другие отряды.

Володя Логунов (он один сумел собрать 13 килограммов) подумал-подумал — и снова в лес.

Отыскал подходящее место, — пошла работа!

И вдруг из зарослей на поляну выскочил лось.

Говорят, лось — мирное животное. Этот был чем-то рассержен, оглядывался по сторонам, храпел. Логунов, притаившись в ветвях, подумал: «Темнеет. Если бы я, скажем, сейчас свалился, то лось, не разобравшись, что к чему, вполне мог бы добануть меня передними ножками».

И тут Логунов увидел на конце ветви множество шишечек.

Надо уметь собирать семена лекарственных растений! Звеньевая Дина Валева объясняет, как это делается.

Не терять же время даром: полет к ним. Ветка треснула, и Логунов полетел, но, к сожалению, не вверх. О дальнейшем рассказывает сам Володя.

Володя Логунов:

— Я, значит, полетел вниз и испугался. Очень испугался. Не помню даже, как лыжи на ногах очутились. Побежал, потом разозлился: шишечки такие хорошие! Вернулся, залез на ту же ольху. Лось, наверно, разобравшись, что к чему, ушел. В тот день собрал я еще три килограмма. Другие ребята тоже не отставали.

Вышли все-таки мы на первое место в дружине.

Председатель совета отряда Сергей Лапин

И СНОВА— „ПЕТА—ВАНЯ“?

Саша Федосов маленький, да удаленький и к тому же очень веселый. Както раз в шутку стал отбирать у девочек портфели и в шутку же забрасывать их подальше. Девочки собрались вместе и слегка поколотили весельчака.

Как видите, и в этом отряде барьер между мальчиками и девочками был высок.

Но тот же Федосов однажды решил одолеть барьер. Ко Дню Советской Армии девочки должны были украсить класс. Федосов сгонял за Волгу. Причем не раз и не два. Притащил целую гору еловых веток. Праздничные гирлянды получились на славу, девочки осмелились сказать, что сделали их в честь мальчиков, в том числе даже таких, как Федосов. Саша Басков смотрел-смотрел, как Лена Забавина рисует стенгазету, и вдруг предлагает: «Давай помогу». Лена чуть кляксу не поставила: такое от Баскова услышать!

Много было событий и приключений, пока отряд становился отрядом.

Ну, а потом случилось неожиданное: отряд, становившийся все дружнее и сплоченнее, в какой-то момент снова разбился по парам: «Петя—Ваня», «Маня—Катя», «Поля—Оля». Правда, произошло это на совсем иной, чем раньше, основе.

Из газет да по радио узнали, как костромские текстильщики соревнуются с ивановскими. На совете отряда произошел короткий разговор:

Сергей Липин, председатель совета отряда:

— Вот и нам бы так... Я насчет соревнования.

Галя Валеева, звеньевая:

— Как у взрослых? Я тоже — за.

Ира Иванова, член совета дружины:

— Ты — «за», я — «за», все — «за», а что именно надо делать?

Оля Грошева, зам. председателя совета отряда:

— Мне понятно: надо всем собраться и прийти к единому мнению.

Собрались. Разработали идею: отряд разбивается на соревнующиеся пары. Таня Скачкова соревнуется с Сергеем Метельковым. Таня — слабоватая ученица, Сергей — наоборот. Задача Тани — решительно расправиться со своими двойками. Сергей обязан с четверок и пятерок перейти на пятерки. Кто первым выполнит эту задачу?

* * *

Вот такое соревнование разгорелось в отряде 6 «в» класса. Причем и помогают друг другу, и советуются, как и что надо сделать. Все хотят, чтобы дело шло лучше и лучше.

...Уезжал я из Костромы светлым мартовским днем. Опять с утра вышел к Волге — попрощаться. У 6-го «в» был урок физкультуры. Мчалась лыжная пачка по заснеженному льду, длинноногий — впереди, невысокий — сзади. Но не растягивались, никто не отставал: невидимый канатик держал крепко.

Г. Князев
Фото А. Шикалова
Рисунки А. Януса

СТИХИ И
РАССКАЗЫ
ТВОИХ
РОВЕСНИКОВ

У МЕНЯ БЫЛ ЩЕНОК

Собаку мою отдали
Чужим незнакомым людям,
И долго меня убеждали,
Что псу у них лучше будет.

Неправда, неправда, неправда!
Со мной хорошо ему было.
Зачем вы его отдали?
Ведь я его так любила!

Пускай он был непослушным,
Пускай он к чужим ласкался,
Самой лучшей собакой в мире
Он мне всегда казался.

Он плакал, когда я плакала,
Смеялся, когда я смеялась.
Он был еще слабым, но смелым,
Я с ним ничего не боялась.

В квартире так неуютно
И пусто как-то вдруг стало...
Чужим незнакомым людям
Собаку мою отдали.

Галя Агафонова,
ученица 7 класса,
Октябрьское, Тюменская обл.

Рисунки А. Орлова

КВАНТАБЕР

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Джон сидел у камина. Роберт что-то монтировал на столике. Около него стояла какая-то странная машина. Поблескивали никелированные трубки. Положив отвертку, Роберт обратился к Джону:

— Нет ли у тебя трубки сечением в два дюйма?

— Нет, а что?

— Понимаешь, я покрою ее изнутри своим новым составом и приделаю к реактору для отвода энергии.

— Ох, опять эта твоя новая машина! Далась она тебе! Забыл, что ли, как было с той?

— Но помни, что, сделав мою «Солнечную иглу», я облагодетельствую человечество.

— Ты в этом уверен? А военные промышленники? Они сразу же употребят твой прибор для войны. Ведь ты говоришь, что твоим лучом можно разрезать землю!

— Ты прав... — в раздумье протянул Роберт.

Хлопнула дверь, и вошла Джой.

— Роб, а Роб! Угадай-ка, что я тебе принесла! — трубку сечением в два дюйма, покрытую изнутри составом НД-143.

— Вот хорошо-то! Где же ты ее достала?

— У Тома.

— Вот спасибо! Не ожидал от него.

— Вы же друзья! А как не помочь другу?

Роберт опять занялся машиной. Джой протянула ноги к камину.

— На улице сыкоть, смог. Едва добралась...

Роберт захлопнул крышку в машине.

— Ну вот и все! «Солнечная игла» готова.

— Прошу тебя, Роберт, будь осторожен!

— Но надо же показать машину президенту!

— Показывай, но опять-таки будь осторожен. Президент хитер, как лиса, — сказала Джой.

Роберт пошел в подвал. Там у него находилась лаборатория. Он подошел к пульту ускорителя и нажал какие-то кнопки. Предварительный ускоритель ввел инъекцию элементарных частиц в большой ускоритель. Гудение ускорителя перешло в оглушительный вой. Роберт выключил ускорители, взял цилиндр и с трудом вынес его во двор.

Роберт открыл дверцу, положил на заднее сидение автомашины аппарат.

Машина неслась по безлюдным улицам. Наконец Роберт затормозил у главного входа дворца президента.

Роберт вынул аппарат, закрыл машину и вошел во дворец. Он потребовал у часового аудиенции с президентом.

— Это очень важно, — сказал он.

Ему указали номер комнаты. Войдя в кабинет, он поставил машину, поклонился. Президент первый начал разговор.

— Итак, зачем вы пришли?

— Я пришел ради этого, — Роберт кивнул в сторону машины, — это «Солнечная игла», она может выбросить луч огромной силы.

— Какая от него польза?

— Он может прокладывать тоннели, шахты, плавить металлы.

— А его можно употребить для войны?

Роберт поблбеднел.

— Ни в коем случае! Ведь тогда, вместо того чтобы стать благом человечества, он станет его проклятием!

— Ну что же, мне ничего больше не остается... — президент позвонил в колокольчик, вошли двое солдат.

— Возьмите его!

Роберт поблбеднел, нажал красную кнопку, и в то же мгновение к нему взвился столб огня.

Дворец президента был стерт с лица земли.

Кирилл Крылов, ученик 5 класса, Минск

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

БАРЖА СМЕРТИ

Шел 1918 год. Белые, отступая от Самары и Казани, погрузили на баржу семьсот пленных красноармейцев, матросов, рабочих. И угнали баржу вниз по Каме. Каждую минуту пленных могла ожидать смерть.

дерзкой операции. Ведь стоило белым узнать о ней, и они могли потопить баржу с пленными.

Красные переодели экипажи трех миноносцев — «Прыткого», «Прочного» и «Ретивого» — в белогвар-

вернулись. Часовые с баржи их окликают: «Кто плывет?» С миноносцев — приказ: «Барже поднять якоря! Приготовиться к буксировке!»

Начальник караула белых с баржи спрашивает: «Чей приказ?» С миноносца отвечают: «Приказ его превосходительства адмирала Старка!»

Белые присмотрелись, вроде свои миноносцы: на плечах у офицеров — золотые погоны, матросы в форме. Да и приказ от грозного адмирала Старка. Старка боялись, он шутить не любил...

Начали поднимать якоря...

А на берегу народу повысыпало! Офицеры, солдаты... Смотрят белые, как миноносцы баржу уводят.

Пошла баржа на буксире. Ветер под гафелями у миноносцев андреевские флаги развеивает, по мостику

дейскую форму. На миноносцах подняли андреевские флаги царского флота...

Вышли миноносцы. Наконец, село Гольяны показалось за поворотом реки. А посреди реки — баржа. На ней — охрана. С берега на баржу наведены пушки и пулеметы. Подошли наши миноносцы к барже, раз-

вахтенные прохаживаются, боцман старорежимный на корме матроса распекает. Белые на барже совсем успокоились...

Отошли от Гольян подальше, где берега совсем пустынные, и тут разоружили белую охрану, сбили замки на барже, выпустили пленных.

Те уж и не верили в избавление...

Г. Гусев

Красные моряки с кораблей Волжской флотилии решили во что бы то ни стало спасти пленных. Они узнали, что баржа стоит на Каме у села Гольяны...

Втайне красные готовились к

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Бюро патентов просит всех ребят, приславших проекты на конкурс „Корабли 2000 года“, срочно сообщить свои имена, возраст и адреса

КРЕПКАЯ ДРУЖБА

Наш отряд дружит с экипажем траулера «Михаил Корницкий». Почему мы познакомились с экипажем этого траулера? Дружина нашей школы борется за право носить имя Михаила Корницкого. Погиб Корницкий в годы Великой Отечественной войны здесь, на Малой Земле, у стен нашей школы... Он совершил подвиг: когда фашисты окружили его, обязался гранатами и взорвал себя и многих врагов... Посмертно Михаилу Корницкому присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда траулер «Михаил Корницкий» возвращается в порт, мы приходим к морякам в гости. Мы поем песни и играем сценки из спектаклей. А наши друзья рассказывают нам о своих плаваниях и о том, как они ловят рыбу. Моряки привозят нам красивые раковины и необычных рыб...

Света Шайхет, 7 «в» класс
школы № 22,
Новороссийск

Одесская флотилия юных моряков отпраздновала свое шестилетие. Отбить юбилейные склянки поручили лучшему курсанту Сереже Чеховскому, ученику 8 «б» класса 55-й средней школы

Фото А. Тарана

СУХОГРУЗ

Сухогруз тысячетонный,
Перегруженный пшеницей,
Пробасит, приравне швартовый,
Отплываает за границу.

Чайки криком судно встречают,
Меня собак о чем-то споря,
Пронесет над морем ветер
Запах снежного поля.

А. Тишагин

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Быстро мчится по дороге автомобиль. Но вот дорога кончилась и начались непроходимые горы. Над автомобилем поднялись и выгнулись лопасти винта, получился вертолет. Вертолет взмыл и полетел через горы... А за горами — море. И вот уже вертолет превратился в моторную лодку! Совершенно сказочные превращения. Однако это не сказка, машина такая есть. Создали ее конструкторы Соединенных Штатов Америки. Назвали машину монтекоптер. Скорость монтекоптера в воздухе — 60,

метров в час, в воздухе — 60, а на дороге — 150!

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«СТАРИННЫЙ ЛЕДОКОЛ «ПАЙЛОТ»

Витя Хакимов, поселок Московский Красноярского края

СЛЕДОПЫТЫ КЛУБА „ИСКАТЕЛИ“

...На второй день после начала войны рыболовный траулер «Лебедку» переоборудовали в сторожевой корабль. Назвали его «Туман». Стороживик нес службу у входа в Колыский залив. 10 августа 1941 года он вступил в бой с тремя фашистскими эсминцами. Две малкалиберные пушки против 42 орудий врага! Героически сражался весь экипаж. Осталась одна пушка, но израненный «Туман», маневрируя, заманил эсминцы под огонь береговых батарей, «Туман» погиб, но прорыв к Мурманску не удался — гитлеровцы повернули обратно.

Следопыты клуба «Искатели» московской школы № 203 собрали большой материал о подвиге экипажа. В музее хранятся записки вахтенного журнала, другие документы. Удалось ребятам разыскать оставшихся в живых героев — ныне они трудятся в Орске и Горьком, Мурманске и Славянске, завязать с ними переписку. Члены клуба помогли драмкружку поставить спектакль по повести В. Тихомирова «Подвиг «Тумана»» — ведь в эту книгу вошли также документы, собранные юными следопытами. Постановка прошла с успехом. Понравилась она и гостям — морякам с современного сторожевого корабля, который тоже носит теперь гордое имя «Туман».

А. Зеленский

ЯБЛОЧНЫЕ ГОРЫ

Алексей Леонов

РАССКАЗ

Рисунок К. Претро

Было воскресенье. Вовка завтракал вместе со всеми, потому что в школу не спешил. И вдруг у дома появилась колхозная машина и вошел бригадир.

— Здравствуйте, — сказал бригадир. — Поздно завтракаете. Вова, машина за тобой.

Вовка выскочил из-за стола, схватил отцову кепку, потом повесил ее и принялся искать свою. Как всегда, он бросил ее куда попало, а теперь не находил.

— Не спеши, — сказала мать. — И недо- завтракал, а туда придете — сидеть будете.

— Нет-нет, — сказал бригадир, — сразу по яблоням. Все готово. Время тянуть некогда.

В кузове было полно ребят. Вовка вскочил к ним, забросил две кошелки, и все уехали.

— Мам, а куда это его повезли? — спросила Саша.

— В сад, яблоки собирать, — ответила мать. — Мне тоже надо спешить.

— А мне? — спросила Саша с обидой.
— И тебе. Пойдем и ты со мной. Сегодня всем будет яблочный день.

На траве была синяя роса. На веточках, былинках она капельками висела на паутине и похожа была на снизки. По деревне пели пелухи.

Все люди шли на работу, Саша — тоже, от этого было весело, лучше, чем в праздник.

— Мам, а сторож пустит нас в сад?

— Сторож теперь уже и не сторож, — сказала мать. — Теперь тут наша воля, мы хозяйничать будем.

По узкой тропинке через густые кусты они пробрались в сад. Саша не была в саду давно, с весны. Тогда сад весь цвел, а теперь...

Саша остановилась. Она не узнала сада. Яблони были такие огромные и все в темной листве и в белых, желтых и красных яблоках. По саду растянулся зеленый дым. Саша подумала, что мальчишки разожгли костры, но костры нигде не горели.

Под яблонями стояли большие колья, подпирали тяжелые ветки.

Посредине сада у большого шалаша собрались люди, там была навалена солома и ящики. Сторож, дед Митрий, сидел на бревне у шалаша на солнышке и думал о чем-то. Собака его, которую все звали Матушкой, сидела далеко от деда, а когда проходили мимо нее, пересаживалась еще дальше, — смотрела на народ, не могла понять, зачем он сюда пришел.

Когда собралось много народу, бригадир дал команду:

— Начинай!

И все разошлись по саду. Матушка убежала, испугалась людского шума. А сторож так и остался сидеть на бревне и никому не сказал ни слова. И только поднимал рукой картуз, когда ему говорили: «Здорово, дед Митрий».

В саду поднялся крик. Это перекликались мальчишки. Они захватили яблони, все были на суках и уже ели самые спелые яблоки.

Вовку нашли на антоновке. Он спустил сверху на веревке кошелку с яблоками и ждал, когда отцепят ему крик, чтобы опустить вторую кошелку.

— Ма-ам, отцепи! — крикнул Вовка.

— Сашенька, отцепи, это будет твоя работа, помогать Вове, — сказала мама.

Саша отцепила от кошелки с яблоками веревку, потрогала сочные желтые яблоки. Они были холодные и тяжелые. Ей захотелось съесть одно такое яблоко.

Мать унесла наполненные кошелки к шалашу, а Вовка принялся наполнять новые. Сверху вдруг упало крупное яблоко, ударилось о землю. Саша отбежала из-под яблони.

— Во-ов, упало, — сказала она брату.

— Пускай, — ответил Вовка.

— Вов, а Вов, а мне можно яблочко взять? — тихо спросила Саша.

— Бери, — ответил Вовка. — Держи вот такое спелое.

— Вов, а сторож? — спросила Саша.

— Он теперь не сторож, — ответил Вовка. — Кончился его власть.

Вовка надкусил яблоко и бросил в сторону шалаша.

Дед Митрий поднялся и направился к Вовкиной яблоне. Он нашел в траве надкушенное яблоко, поднял.

Дед Митрий приблизился, высмотрел в ветвях Вовку, спросил:

— Кто тут такой боевой на дереве сидит?

Дед Митрий от старости стал маленький. Он опирался на палку обеими руками. Голова у него тряслась.

— Отзовись там, орелик. Поддай голос. Глазми мне тебя не узнать, слепы стали.

Саше жалко стало деда. Она сказала:

— Дедушка, это наш Вовка там.

— Вот кто, Вовка. — Дед Митрий повернулся к Саше: — Спасибо, внученька, спасибо. Братец твой там бои затевает, добро портит. Сейчас мы его...

Дед Митрий постучал по яблоне палкой, позвал Вовку. Вовка затаялся в ветвях, не отозвался. На голос сторожа прибежала Матушка, залаяла на Вовку, словно охотничья собака в лесу на белку.

— Слезай, Вовка! — приказал дед Митрий. — Уму-разуму я тебя учить буду.

— Меня, дед Митрий, в школе Надежда Ивановна учит, — ответил Вовка. — Слезать сейчас некогда.

— Нет, Вовка, спускайся, если я тебе говорю, — потребовал дед Митрий.

— Во-ов, слезь, — попросила Саша.

Вовка сполз по стволу вниз, подтер нос рукавом, сказал:

— Слез, дедушка Митрий.

— Это ты мне надкусанное бросил? — спросил дед Митрий, показывая Вовке яблоко.

— Я, — признался Вовка и нагнул голову.

Дед Митрий вынул из кармана большое полосатое яблоко.

— Держи свое, доедай.

Вовка нехотя взял яблоко.

— Вот так-то, молодая гвардия, — сказал дед Митрий. — Еще будешь портить фрукты с работы сниму.

— Не буду больше, — пообещал Вовка.

Дед Митрий подал Саше яблоко, сказал:

— Держи-ка и ты, внученька, полосатое яблочко. Такого в саду больше нет.

— Все, — сказал Вовка, — съел.

— Вот так, внучки. Хочешь яблочко, сорвал и съел. Сад люди растят не для безобразий. Понимали бы все это, и мне тут нечего делать было бы.

Дед Митрий вернулся к шалашу. Матушка на коротких кривых лапах, оглядываясь, последовала за дедом. Вовка проводил их взглядом до шалаша, охватил яблоневый ствол, полез снова на яблоню. Саша посмотрела на подаренное сторожем яблоко. Ей показалось, что оно пустое. Она поднесла его к уху, потрясла. В яблочке что-то гремело.

— Во-во-ва, — закричала Саша, — оно гремяче!
 Вовка сел на нижний раз, сказал:
 — Я с тобой не буду разговаривать. Ты деду сказала, что я бросил яблоко.
 — Ты же бросил, — сказала Саша.
 — А зачем ты ему сказала?
 — А он спрашивал!
 — Он же у меня спрашивал, — сказал Вовка.
 — А зачем ты ему не сказывал? — спросила Саша.
 — Это не твоё дело, — ответил Вовка.
 — И это не твоё дело, — возразила Саша. — И не тебе будет больше помогать.

И Саша ушла к шалашу, а Вовка остался на яблоно.
 У шалаша были Сашины ровесники и подружки. Они утащили ящики соломы. Женщины приносили в кошелках яблоки, укладывали их рядками в ящики. К полным ящикам подходила с молотком и гвоздями дядя Андрей, отец Сашиной подружки Тани, накрывал ящики крышками и заколачивал.
 Саша тоже пришла охладить солому к ящикам, помогала выкладывать из кошелок яблоки. Потом она устала, и девочки тоже устали. Они пошатались и пошли играть.

Потом, после обеда, когда солнце стало опускаться за деревню, они снова пришли в сад.

Саша подошла к яблоно, на которую Вовка залезал утром, посмотрела вверх, а его там нет, и яблок на ветках тоже нет. Яблоки носили уже издалека, добрали последние. У шалаша белели и краснели высокие яблочные горы. Все радовались, что много выросло в саду яблок, только дед Митрий печалился. Он стараясь не смотреть на яблоно, где не стало больше яблок. Собака Матушка сидела у его ног и тоже скучала. Бригадир присел рядом со сторожем, заговорил:

— Все, Дмитрий Семеныч, управился в один день. Сейчас нарком вороха соломы. Завтра машины поедут, свезем товар в город — и ты будешь свободен. До будущего лета отдохнёте.

Только дед почему-то не обрадовался, что отдыхать ему придется, сидел, согнувшись, и вздыхал.

Вечером, когда ужинали, Саша спросила у мамы:

— Мама, а когда я стану бабушкой, Вовка наш станет дедушкой?

— Все будут и дедушками и бабушками, — ответила мама.

— Счастливым он, — вздохнула Саша. — Сторожем будет.

Вовка перестал есть, сказал Саше:

— Сама будь и бабой, и дедом, и сторожем, а я не хочу.

— Не разговаривай, дочка, с ним, — сказала мама. — Он устал сегодня. А когда люди устали, они злыми становятся.

— А как он устал? Он не ходил по саду и яблоки не носил, — сказала Саша.

— Также тяжелый труд, — сказала мама. — Целые горы яблок сгнать — кто не устанет.

— Ма-ам, а знаешь, что сказал бригадир дедушке Митрию дедать? Он сказал ему... сказал, чтобы он отдыхал теперь, — передала Саша.

— Зимой все будем отдыхать, — ответила мама. — Главную работу за лето сделали до снега, потом на отдых. Будем посиживать в доме, зимние песни слушать.

— А на санках кататься? — спросила Саша.

— В погоду будете кататься, — ответила мама.

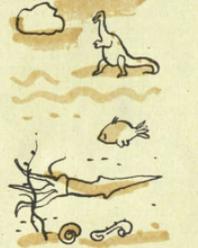
— Ма-м, а еще будем яблоки собирать? — спросила Саша, когда мама укладывала ее спать.

— Будем, — ответила мама. — Ровно через год опять пойдем в сад.

— Долго через год, — сказала Саша. — Лучше бы завтра.

ШАГ ПЯТИЛЕТКИ

ШЕСТЬСОТ МИЛЛИОНОВ лет назад здесь было море. Много жило в нем всяких прабабушек современных рыб, моллюсков и скорпионов. Один из моллюсков носит латинское название «оболоч». Он строил себе раковину из фосфора, а фосфор добывал из морской воды. Ракушки жили и умира-

ли, волны сносили их в сторону, хоронили на дне.

Теперь на месте отступившего моря построили комбинат «Фосфорит».

Какая же связь между давно вымершей, маленькой, похожей на листик ольхи ракушкой и современным комбинатом с множеством сложных цехов, дорог и машин!

Издана люди поняли, что и земле тоже надо подкармливать, иначе не даст она на будущий год урожая. Очень нужен фосфор, тот самый, который добывал из морской воды древний моллюск. Если немного отъехать от Кингисеппа, кажется, что по-

Рисунки В. Бродского

ФОСФОРИТ

но стают их в чаны-сгустители. Осталось промыть, профильтровать и — в сухую. Фосфоритная мука готова. В ней теперь 28% фосфора. Действительно обогатилась.

Идут груженные фосфоритной мукой поезда. Везут ее на Украину и в Белоруссию, корчат ее Псковскую и Новгородскую земли. Эти земли богаты кислотами. Ведь чтобы

Фосфорит, аммофос — это пища земли. Фосфорит — это поезда удобрений, необходимые нашим полям. «Фосфорит» — это ударная стройка пятилетки.

педать в страну вулканов, тайн и опасностей. Перед тобой горы мелких камней. Из-за самой большой «горы» дым идет. Земля под ногами вздрагивает, гул в уши летит. Вдали поднялось облако пыли, высоко взлетают подкинутые взрывом камни.

Эти взрывники испаряют поверхность почвы. Теперь легче будет шагающим экскаваторам добраться до руды.

День и ночь везет самосвалы руды в дробильные бункера. Все бы хорошо, да в фосфоритной руде всего 6% фосфора. Столько труда из-за такой малости, — подумашь ты. Но тут же на комбинате руду обогащают. Ты видишь, как мама делет тесто? В муку льет молоко, деллет яйца, сахар и другие вкусные вещи. А здесь все напомним фантастическое варено. В серую муку льют керосин, мыло, щелочь. Варено клокочет, булькает, квакает. Со дна поднимаются пузырьки воздуха, жмутся друг к другу. Пузырьки сейчас главные труженики, они выхватывают из ненужного материала фосфоритинки и с ними бегут наверх. Лопатки переносной машины не дают им опомниться и лопнуть. Береж-

ли растворить фосфор, нужны кислоты. А если в почве их мало? Тогда лежит фосфорит на земле и не может ее накормить. Все равно, если перед тобой вместо тарелки с кашей поставить тарелку с крупой. И ученые опять пришли на помощь земле. Придумали сложные удобрения. Решили приправить фосфоритную муку кислотами. И назвали эту смесь аммофосом.

Со всех концов страны поехали в Кингисепп люди. Комбинат стал всеосезонной стройкой. Строится комплекс цехов для сложных удобрений. Сту-

чат молотки. Плотники сколачивают опалубки. Нужно построить и аммиачный цех, и сернокислотный, и огромный корпус, где соединятся кислоты с фосфоритной мукой и появится на свет аммофос. А чтобы не загрязнять воздух вредными отходами, нужно построить станцию нейтрализации. И всю систему цехов соединить между собой трубами. Поток по трубам в главный цех кислоты, пойдёт вода.

И вот строительство комплекса почти закончено, но в каждом здании не хватает стены. Краны бережно снимают с платформы оборудование, подают его в пустой проем. Большие машины собирают на месте, маленькие (с небольшой дачкой величиной) присылают готовыми.

Пока строители закрывают проем стеной, монтажники собирают оборудование, готовят его к пуску.

Постепенно, потихоньку заставляют работать сложную цепь машин. На ходу устраняют неполадки. Привыкают, притираются друг к другу детали установок. Поступает в главный корпус фосфорит, и выползает конвейер с гранулами аммофоса — сдобренный кислотами фосфор.

Несколько тысяч тонн аммофоса уже доставлены на поля. Приятного тебе аппетита, земля!

С ЮБИЛЕЕМ,
ЛЮБИМАЯ СТУДИЯ!
Рассказываем об
Алексandre Довженко

ДУДКА-САМОГУДКА,
СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА,
МЕЧ—СТО ГОЛОВ С ПЛЕЧ

СЕРИЯ
172

ДОВЖЕНКО - ЖУРНАЛИСТ

«Первая статья, которую я написал («К оружию!» «Большевистское знамя», Одесса, 23 июня 1941 года— Н. С.), произвела на меня неожиданно огромное впечатление. Я не придавал этой работе особого значения... Я хотел писать сценарии. Но когда я услышал на фронте о резонансе, который она получила, я был потрясен. Особенно на меня подействовало сообщение о том влиятельнике, которое оказал рассказ «Отступник». Он был отмечен в количестве трех миллионов и проработан на фронте...»

Распространение произведений Довженко было огромно: его материалы из газет переводились на тринадцать языков народов СССР.

Рассказывают такой случай. Ругали на киностудии одного оператора, силл он сможет о приеме в партию украинской партизанки, лучшей колхозницы, прекрасного человека. Но как сиял! Позы неподвижные, глаза глядят в объектив, люди какие-то скваиние!

Судьба оператора-неудачника казалась бы решена. Но вдруг Довженко предложил написать дикторский текст к этим скупым кадрам. Посмотрев киноленту, минут десять просидел Алек-

го имя носит Украинская киностудия художественных фильмов. Школьники и студенты Украины изучают творчество Довженко на уроках родной литературы. О его произведениях учителя пишут книги...

подписывался псевдонимом Сашко.

Утверждают, что число портретов, пейзажей, карикатур, плакатов и рисунков Довженко — около пятисот.

**ХУДОЖНИК САШКО
СТАЛ
КИНОРЕЖИССЕРОМ**

Итак, в 1923 года он — художник-профессионал, но *в июне 1926 года я просидел ночь в своей мастерской, подвела итоги своей неустроенной традиционной жизни, утомил выходя из дома и больше не возвращался. Я уехал в Одессу и устроился на кинофабрику как режиссер».*

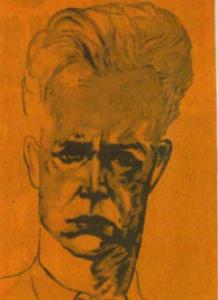
«Сразу — режиссером?» — спросите вы. Не забывайте, что время тогда было совсем другое. Института кинематографии не было и в помине, творческих кадров катастрофически не хватало. Это было раннее детство советского кинематографа.

Первое знакомство с кино началось с радостного открытия: так ставить кадры, так работать с актерами, как это делали на Одесской кино-

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Слова плаку:
Довженко за работой
Кинематграф
шарк художника Сашко

фабрике, но мог, более того — мог лучше. Ему доверяют постановку. Он привык за нее с легкостью. Все это не имеет ничего общего с началом режиссерской жизни в современном кино. Спустя тридцать лет Довженко сравнил путь в режиссуру кино с путем через огненное ушко и подчеркнул, что ныне не смог бы приступить к работе без специального образования и длительной подготовки.

Одна из самых ранних его работ — озорная комедия «Вася-реформатор». Наход-

чивый, озорной пионер Вася вместе со своими друзьями всеческими хитроумными путями борется с пережитками прошлого и выходит из этой борьбы победителем.

Подняв советских дискуреров, подаяв простых людей — путевого обходчика, матросов, кочегара, доставивших в Москву государственной важности почту — тема фильма «Сужка дискурера». Кочегар — первая и единственная роль, которую Довженко сам сыграл. Сильный, красивый, независимый и гордый, стоящий вахту

один на один с огнем; в то же время изысканный, даже элегантней рабочий-дипломат в разговоре с капитаном, он становится символом рабочего класса.

Кинокартины Довженко сейчас знают во всем мире. Только скажем: «Шорс», «Иван», «Земля», «Аэроград», «Звенигора»...

Со «Звенигора» — этой замечательной легенды о открытом кладе народного счастья и поисках этого клада у Довженко сложился свой, неповторимый режиссерский почерк — романтический, яркий. Но правда жизни оставалась настоящей правдой.

Те, кто смотрел фильм «Шорс», наверняка никогда не забудут всекого молодого отважного бойца Савку Трояна, и то, как он везжает в гетманские покои на коне, и то, как его за это наказывает командир батько Боженко. Так вот, после выхода фильма на экраны Александр Петрович получил четыре письма, в которых родители и сестры Савки Трояна просили сообщить, где он сейчас, почему с 1919 года они ничего о нем не знают.

Довженко выдумал Савку. И ведь не в совпадении имени и фамилий тут дело! Характер удалого хлопца-конника передал Довженко в таких правдивых подробностях, что Савка встал перед близкими, словно живой.

САШКО

Школьный учитель, политработник, дипломат (работал управляющим делами посольства в Варшаве и секретарем Генерального консульства УССР в Берлине). Довженко много и серьезно учился живописи и рисованию. В Германии брал уроки изобразительного искусства. Встречи с видными немецкими художниками Цилле, Нагелем, Гросом, знакомство с замечательной антинфашисткой Кете Кольшиг сыграли свою роль.

Потом он жил на Украине. В газете «Вісті» все чаще стали появляться политические карикатуры и дружеские шаржи веселого и остроумного художника, который

санд Петрович в полуметном зале, держа в руках блокнот и карандаш. Потом пригласил всех, подал сигнал киномеханику, встал у экрана и, выступая в роли директора, начал: «Что же ты боишься, Полина? Ведь не болясь ты кулацкую пуги, крестьянских трудов и пущенных тобой под откос немечих шпелюнов...»

В тишине зрительного зала грянули аплодисменты.

КНИГА, КОТОРУЮ ОН ХОТЕЛ НАПИСАТЬ

...Павильон для фильма «Поэма о море» еще не построили. Были поставлены декорации для проб, да и пробы произвели еще не все, хотя оставались еще Дожненко. И тогда жила Дожненко, друг, соратник и ученица в кинорежиссуре, Юлия Ипполитовна Солнцева взяла команду на себя.

Фильм был завершен. Сценарий «достоен Ленинской премии».

Три года назад по экранам страны прошел фильм Солнцовой «Золотые ворота». Фильм-воспоминание, фильм-раздумье о судьбе художника, о воплощенных и невыполненных его замыслах, о его родине на берегу красивых Десны и о его Родине — Стране Советов, карта которой украшала рабочий кабинет Дожненко.

Дожненко говорил, что всю свою жизнь он мечтал написать большую книгу о своем народе и назвать ее «Золотые ворота». Врата в будущее, в далекий завтрашний день, ради которого боролись, учились и работали все человечество, ради которого шла на волею жертва и подвиги. Такой книги он не создал, но все его творчество: художественные и документальные фильмы, песни, статьи, очерки, рассказы, замечательные дневниковые записи, рисунки и caricatures мы и можем считать такой книгой.

Николай Сотников

Действие нашего фильма по сказке С. Маршак происходит в царстве, где есть Царь, а значит, министры и дворцы. Есть простые жители, которые любят заниматься на ярмарку, где можно купить и продать, узнать новости, услышать царские указы. Есть еще и волшебная лавка с «умными вещами», а также тюрьма, куда попадает добрый Музыкант, обманувший Бельрино в возрасте дудки-самогудки, и окрестки деревеньки, где живет Невеста Музыканта, и Барское имение.

Ясно, что должно быть. Но как все это выгладит? Об этом у Маршак ничего не говорится...

И вот представляете себе дом, высотой двенадцать метров и площадью более тысячи. Внутрь — пустой, только сверху, как в цирке, свисают различные тросы и приспособления. В этом доме за несколько построенных скважин открыт по площади, домами, церквями, ярмаркой и лавкой. Конечно, быстрее построить такой город можно только в кино. Большая часть его всего лишь, нарисованная художниками на громадном полотне. Художники работали большими кистями, люди маляры, и даже применяли пульверизаторы, а краски, разведенные на палитре, а в ведрат.

На фоне нарисованной «цети города столпы: из плотной древесины почти настоящие деревянные дома, ярмарочную площадь с лавками и каруселями, кингстонскими шагами и аттракционами. Затем, опять, взялись за кисти художники — они расписали все построенное, — и скважин город был готов.

Началась съемка.

Шумит многоголосая армия. Веселятся народ, танцуют и поют потные. Но вдруг музыка останавливается — на экране «Умные вещи». Открывается дверь, и мы вместе с Музыкантом и Кингстоншей оказываемся в волшебной комнате. Нас охватывает необычайное ощущение несомности. Все волшебные вещи, даже стол, даже возвы лавки как бы парят в воздухе.

Как удалось создать такое ощущение?

Стены лавки обгнаны черным бархатом, а пол и стойки, на которых лежали вещи, покрашены черной вечерной краской. Операторы и светотехники расположили лампы так, что мы с вами видели только угловы и волшебные вещи, и создается впечатление, будто нет ни стен, ни потолка, ни пола.

Первой проявляет волшебство дудки-самогудки. Когда Музыкант подносит ее к губам, стены лавки начинают светиться сотнями переливающимися цветами, а все пространство — тоже на ярмарке — то танцуют, то

плакать, — в зависимости от мотива, наигрываемого Музыкантом.

Такой чудо сделать было трудно. Атерам ставилась задача, и было выполнено: либо плавали, либо плакали.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

А вот светещаясь даже дыму — что? Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько отдельных фонов. Затем фон снимался целиком на пленку.

Многие члены Клуба кино спрашивают нас: как это так на экране получается, что «рыбы по полю гуляют, жабы по небу летают»?

Как получается?

Отвечает директор фильма-сказки «Умные вещи» Юрий ГУБАНОВ.

Опять открылись дверь лавки и появилось самодеятельное семейство Барна. Его глава просят немедленно показать действие сватерти-самобранки, а затем само-сирокорода. И Стари-волшебник, лузаво убавился, разрешает своему помощнику продиктовать «умные вещи». После приказы «Газарынский сватерти-самобранка на глазах удивленного Барна и зрителя разворачивается, и на нем появляются различные яства.

Местную сватерти убрал, а на ее место положили точно такую же, самую обыкновенную, и поставили еду. Атеры вернулись на свои места. Художники-механики проверили по своим зарисовкам, точно ли авторы портреты свои лица, и когда все было готово, включили кинокамеру. Атеры оживи, продолжая сцену уже у накрытой сватерти-самобранки. Этот удивительный изобретения телевизора «мод» сималась шесть часов!

Хитрый Барна предидем приноситься и проделывать все, что желал испытать их действие своего Слугу. То же и с сапогами-сирокородами.

Слуга послушно исполняет приказания, и вдруг в сапогах заветается какой-то огонь, раздается шум, ползание на вылезло трубы автандина, и сапоги покинули испуганного Слугу по лавке, в дверь и поехали над ярмаркой. Слуга пытался вернуть, но куда там! Сапоги унесли беднягу в путешествие вокруг земли.

В фильме-сказке вещи должны быть такими, какими мы привыкли видеть их в жизни. Сапоги-сирокороды актер надевает в кадр, когда мы его очень хорошо видим — круглый план. Поэтому любая необычная для сапог деталь бросилась бы в глаза и пропала бы в кадр.

Было решено изготовить две пары сапог. Одну — обыкновенную, которую мы видим в кадре. Вторую — точно такую же внешнею вид, но с монтированными в подошвы резиновыми конками. Они-то и позволяют актерю свободно скользить по полю. А над ярмаркой проложили подвесную канатную дорожку и в ней прикреплен кресло для оператора и трос для актера, которым он и привязывался, срывая его под одеждой. Когда все было готово, главный оператор с камерой в руках и актер, играющий роль слуги, выполнили премьер-таким настоящим цирковым номером — на высоте пяти метров пролетел над кулачиной толпой.

Обо всем чудесном не экрано рассказывать невозможно. Да, повозка, и не стоим. Дело не в том, чтобы узлет, как то или иное чудо сделано. А то, что ты видишь, что ты слышишь, что ты чувствуешь. Ведь сказка сказывается старикам да старухам на утешение, и сказка поет на поучение, а в малым ребятам на послушание.

А делается так.
Сначала сватерти на наших глазах

разворачивается — а затем его помог спрятанный внутри ее механизм. Но это сватерти жестка, как фанера. Она не сплунется вниз по краям сапожкам, а затем само-сирокорода. И Стари-волшебник, лузаво убавился, разрешает своему помощнику продиктовать «умные вещи». После приказы «Газарынский сватерти-самобранка на глазах удивленного Барна и зрителя разворачивается, и на нем появляются различные яства.

Местную сватерти убрал, а на ее место положили точно такую же, самую обыкновенную, и поставили еду. Атеры вернулись на свои места. Художники-механики проверили по своим зарисовкам, точно ли авторы портреты свои лица, и когда все было готово, включили кинокамеру. Атеры оживи, продолжая сцену уже у накрытой сватерти-самобранки. Этот удивительный изобретения телевизора «мод» сималась шесть часов!

Хитрый Барна предидем приноситься и проделывать все, что желал испытать их действие своего Слугу. То же и с сапогами-сирокородами.

Слуга послушно исполняет приказания, и вдруг в сапогах заветается какой-то огонь, раздается шум, ползание на вылезло трубы автандина, и сапоги покинули испуганного Слугу по лавке, в дверь и поехали над ярмаркой. Слуга пытался вернуть, но куда там! Сапоги унесли беднягу в путешествие вокруг земли.

В фильме-сказке вещи должны быть такими, какими мы привыкли видеть их в жизни. Сапоги-сирокороды актер надевает в кадр, когда мы его очень хорошо видим — круглый план. Поэтому любая необычная для сапог деталь бросилась бы в глаза и пропала бы в кадр.

Было решено изготовить две пары сапог. Одну — обыкновенную, которую мы видим в кадре. Вторую — точно такую же внешнею вид, но с монтированными в подошвы резиновыми конками. Они-то и позволяют актерю свободно скользить по полю. А над ярмаркой проложили подвесную канатную дорожку и в ней прикреплен кресло для оператора и трос для актера, которым он и привязывался, срывая его под одеждой. Когда все было готово, главный оператор с камерой в руках и актер, играющий роль слуги, выполнили премьер-таким настоящим цирковым номером — на высоте пяти метров пролетел над кулачиной толпой.

Обо всем чудесном не экрано рассказывать невозможно. Да, повозка, и не стоим. Дело не в том, чтобы узлет, как то или иное чудо сделано. А то, что ты видишь, что ты слышишь, что ты чувствуешь. Ведь сказка сказывается старикам да старухам на утешение, и сказка поет на поучение, а в малым ребятам на послушание.

А делается так.
Сначала сватерти на наших глазах

ВОЛОДИНЫ БРАТЯ

Юрий Коринец

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Острова

Сколько он так бежал — и долго ли — в какую сторону — Володя ни в тот момент, ни после толком рассказать не мог. Он бежал по горящей под ногами земле, между пылающих факелами деревьев, ориентируясь в темноте, — и рядом бежали языки огня, обгоняя его, и тени бежали рядом, и какие-то зверюшки, и птицы, хлопая опаленными крыльями, падали в огонь. Огонь бежал позади Володи со страшным ревом — и дым бежал в воздухе сзади и впереди, окружая Володю, — ед глаза — и Володя бежал в темноту сквозь деревья по болоту и сквозь кустарник, обдирая лицо и руки и ноги, оборвав в клочья одежду. Потом огонь стал понемногу отставать — только дым еще долго обгонял Володю, — и он все бежал — откуда только сила бралась! — употая ногами во мху — чавкая по болоту — спотыкаясь о деревья и падая — и разбиваясь в кровь — и карабкался на четвереньках, — а потом переплыл какую-то широкую холодную реку — и опять бежал уже в чистом прохладном воздухе — вдали от пожара — под рассветающим небом...

Очнулся он днем — была жара, пахло гарью, но пожар был уже далеко — очнулся разбитый, голодный. Хватился сумки — а ее нет! Ни удочки, ни сумки! Спички, посуда, соленые хариусы, хлеб — все сгорело где-то там, подвешенное на дереве... И ножа не было.

Незнакомое открытое место было вокруг — поросшее редкими елочками и березами, усеянное камнями, затянута сверху белесой пеленой облаков. Опять вилась над Володей молния, опять кусалась, но диметилфталата уже не было, и Володя, даже не отмахиваясь —

бесчувственный к этим укусам, пошел вперед, как ему казалось — к востоку, где светлей облака... А может, он и не к востоку шел — солнца не было видно, и ветер приносил запах гари.

И вдруг — зайчик. Зайчик лежал под огромным лиловым валуном — маленький, серенький.

Зайчик часто дышал и смотрел на Володю выпуклыми глазами, но не двигался. Увидел Володя, что зайчик весь обгорел — усы обгорели и ресницы, и на боках — вздувшаяся от ожогов голая кожа... Тут-то Володя пришел в себя. Жалко ему стало этого зайчика.

Сейчас он впервые и ясно подумал о том, что заблудился. Какую реку переплыл он ночью? Где теперь Ильч — справа ли, слева ли, сзади? Куда бежит этот ручей? Небо было желтым, плотные облака глубоко запрятали солнце.

— Надо Ильч найти! — громко сказал Володя. — Или еще какую реку. Буду идти по ручью.

Он долго шел и, когда впереди за кустами тала блеснула река, прибавил шагу. Через несколько шагов он увидел на той стороне реки избу и уже хотел было броситься вplashь — река была неширокой, тихой, когда заметил в кустах медведицу с медвежатами. Они медленно, лениво переставляя лапы, выходили на желтый прибрежный песок: впереди медведица, за ней два маленьких медвежонка, а за ними один старшее. Они шли на тот берег, куда надо было и Володе: к избушке.

«Живут они в ней, что ли?» — подумал Володя.

Володя смотрел, затаившись позади в прибрежных кустах.

Окончание. См. «Костер» №№ 7—8, 1974 г.

«Хорошо, что ветер от них дует, — подумал он. — Не учуют меня».

Большая старая медведица первая спокойно перебралась через реку, возложив заботу о малышах на старшего, пестуна. Выбравшись на тот берег, она отряхнулась всем телом, веером разбрызгивая по гальке речную воду. Тут она оглянулась и увидела, что пестун вовсе не помогает своим братьям! Покинутые нянькой, малыши тревожно скулили, металась на мелком месте, боясь плыть. Пестун же, не оборачиваясь, спокойно переплывал реку.

Когда пестун вышел на берег и подошел к матери, он вдруг получил от нее столь увесистую оплеуху, что отлетел назад в реку, два раза перевернувшись... Володя еле сдержался, чтоб не расхохотаться. Тут только пестун все понял: он сразу вернулся к малышам, загнал их, ласково рыча, в воду и поплыл с ними рядом, чуть позади, изредка подталкивая носом того или другого. Когда малыши выбрались на берег, мать облизала каждого, не обращая внимания на пестуна, после чего все степенно двинулись мимо избушки в лес: впереди мать, за ней малыши и последним пестун, замыкая шествие.

Переждав еще немного после того как медведи скрылись, Володя вышел из своего убежища и переплыл речку, поднялся по гальке к травяным зарослям, раздвинул их руками и своим телом и вошел, с колотящимся сердцем, в избушку... Она была пуста.

Шагнув через маленькие сени в комнату, Володя остановился. Хорошая была избушка, новая. Он сразу заметил на столе под окошком пачки битнов и ваты, лекарства в пачках и пузырьках, йод в ампулах, толстую тетрадь. Володя подошел, сел на нары перед столом, взял тетрадку.

На обложке было написано: «ТЕТРАДЬ ПРОХОДЯЩИХ ТУРИСТОВ».

На обороте обложки: «Г. геологи! Просьба не выбрасывать! На зиму оставить на видном месте!»

Дальше шла пустая первая страница, а на второй было написано:

«Начата 7.V.1971 года».

Пришли с перевала через хребет Хамбу-Урр и реку Ук-Ю. Шли по хорошему насту при температуре 7 градусов. Встали в избу в 17.00. Группа идет через Ильч и хребет Иджид-Парма на Троицко-Печорск. Через два дня надеемся быть на месте».

И подписи: «Москвичи: Санд-Кулиев — К

Шемяк Шекулев — 2К

Ариньзь —

Якулик —

Сухороков —

Коваль —

7.V.71.

Примечание: буквой «К» отмечены корифен туризма».

Володя еще перевернул страницу. На ней было выведено неуклюжим почерком:

«25.VI.71. Рабочий пятой партии 2-го отряда проходил мимо. Рябов».

Еще запись: «3 июля 1971 года рабочий 5 партии с г. Высокая Л. Лесников. Из Карелии, ст. Лоухи».

Володя задумался.

«Значит, я между Ильчем и Ук-Ю! Только где? На правом берегу Ильча или на левом? Выше избушки или ниже? В общем, так или этак, а должна эта река меня к Ильчу привести!» — решил Володя.

К тетрадке был привязан химический карандаш. Володя взял его и записал:

«Иду из Кочильдина в избушку к дедушке, — он на секунду задумался. — Через два дня надеюсь на месте быть, — тут Володя улыбнулся и записал: — Корифей туризма Владимир Иванов, 11 лет».

Володя перечитал запись, зачеркнул слово «корифей» и вписал сверху: «трижды корифей».

Он захлопнул тетрадь и встал. Перед печкой на полу и за печкой — возле стены — свалены были полена. Володя пошарил по избе глазами, ища чего-нибудь съедобного. На полке над окном он увидел стеклянную банку, закрытую старым журналом. В банке была крупная желтая соль. За банкой, в паутине, валялось несколько сухих, покрытых серой пылью корок черного хлеба. Володя взял корки, журнал и присел к столу. Грызая корочку, он стал рассматривать журнал... Это был «Крокодил»! Вернее, кусок журнала — обложка и часть страниц были оторваны, но Володя его сразу узнал! Очень любил его Володя — веселый это журнал, интересный!

Наглядевшись досыта, Володя погладил шершавую синева-серую бумагу, положил журнал на банку с солью, потом лег на пыльные нары, потянулся и заснул с коркой в руке, которую он так и не догрыз.

Дед Мартемьян не раз говорил, что Володя долго жить будет, потому что он уже умирал в своей маленькой жизни.

Володя умирал, когда ему было пять с половиной лет. Прихватил его аппендицит, и повезли Володю на моторке в районный центр Еремеево, в больницу. Еле доездили Володю до Еремеева, всю дорогу он корчился в лодке на сене, боли были страшные, думал, вот-вот помрет. В больнице его сразу на операционный стол положили, маску усыпляющую с хлороформом на лицо нацепили, но Володя и там продолжал корчиться от боли: не брала его маска, никак не мог заснуть! Врачи — здоровая такая женщина, толстая — уже хочет живот ему резать, а Володя ей знак рукой подает, что еще не спит вовсе... И смех и грех! Врачиха на Володю закричала и новую маску на него напялила. Тут только Володя заснул. Да вдруг так крепко, что опять не как по-людски: операция закончилась, и живот Володе давно зашили — а он все не просыпается! Врачиха вокруг него бегает, кричит, санитары суетятся, а Володя труп трупом: дыхание остановилось

и пульса нет вовсе! Хотели уже его в мертвецкую отправить, а он вдруг глаза открыл! И улыбается! Ну и досталось ему на орехи! И деду Мартемьяну, который Володя в больницу привозил, тоже досталось. Еле ноги потом из больницы унесли. Оказывается, слишком много он хлороформа наглотался, мог вообще не проснуться. Это первый Володин смертный случай. А второй раз Володя чуть не умер, когда ему восемь лет стукнуло... Так его в тот год стукнуло, что тоже чудом живой остался.

Случилось это летом, в самую что ни на есть распраскрутую пору, в июле. И тоже, как ни странно, в Еремееве: такое уж это для Володи невезучее село! Гостил он в то лето у одной дальней Мартемьяновой родственницы, у одинокой древней старушки. Злющая это была старушка, хотя очень в бога веровала. Дед Мартемьян в то лето по каким-то своим делам в город Печору уезжал, вот он и попросил старушку присмотреть за Володей. Старушка нехотя согласилась. Не любила она детей, да и весь век свой она, наверное, никого не любила, кроме своего бога, как часто бывает с такими вот очень верующими старушками.

Володя — на что уж тихий ребенок — все время выводил старушку из себя. Что бы он такое ни сделал, все ей не нравилось. Принесет ли Володя подбитого граченок домой, уже ли притащит — все старушку из себя выводило. В тот день, о котором речь, старушка с утра куда-то ушла, а Володя мельницу дома в избе мастерил, строгал, сидя на лавке, лопасти острым кухонным ножом. Ну, насорил, конечно, на полу стружками. Да что ж в том страшного, если бы он их все равно потом подмел! Строгал он в избе, а не на улице, потому что на улице дождь начался.

Вот этот дождь-то и стал всему причиной, вернее, не сам дождь, а гроза. Дождь прихватил старушку, когда она к дому подходила, и влетела она в избу промокая и уже злая. А тут Володя со своими стружками на полу ее еще пуще из себя вывел. Стала она ругаться на чем свет стоит! На улице дождь расходится да гром гремит все сильней, а в избе старушка! Долго она неистовствовала, а под конец говорит: «Забрал бы тебя господь на небо! Все бы на земле легче стало!» А Володя тоже не вытерпел — можно и его понять! — сказал как бы про себя, но достаточно громко, чтобы старушка слышала: «А вас хоть бы черт к себе забрал!» Нехорошо он, конечно, сказал, но и Володю понять можно: очень уж ему эта старушка надоела!

После этих слов и случилось самое удивительное. Только Володя так сказал, и старушка еще рта не успела раскрыть, чтобы ответить — как вдруг страшный удар потряс всю избу! Это ударила молния в горницу. Старушка, как стояла посреди горницы, так и повалилась. А Володя на мгновение даже сознание потерял и, падая, язык прикусил...

Старушка после того случая, конечно, примирела. Только Володя у нее больше не жил.

Дед Мартемьян не стал его от себя отпускать. Вот какие были с Володей два удивительных случая, когда он чуть было не умер.

А теперь вот этот случай, когда Володя заблудился.

«Если только я выживу, — думал Володя во сне, — то больше никогда не умру! Буду жить вечно!»

Долго и крепко спал Володя в избе — весь день и всю ночь, а на рассвете встал, погладил корочки и пошел вниз по незнакомой реке.

Пройдя километра три от избушки, он вдруг услышал песню. Кто-то пел! Голос доносился вроде бы откуда-то с верховьев: Володя весь вытянулся, напрягся, прислушался... далеко еще был этот голос, очень далеко! В первое мгновение Володе захотелось бежать — туда, на голос, вверх по реке, — как вдруг песня пропала...

«Это мне показалось!» — подумал Володя. Он сразу ослаб, взмок от пота, лег на траву, стал смотреть в небо. Прекрасное высокое небо опять было чистым.

«И никто тебя не найдет, — думал он. — Ни дедушка, ни Алевтина, ни брат».

И тут он опять услышал песню.

И вдруг заработал мотор! Два раза чихнул где-то совсем рядом и сразу же быстро-быстро забормотал, отскакивая многократным эхом от берегов — скороговорка мотора сразу наполнила собой весь мир, пронизала Володин мозг, все его опять напрягшееся маленькое тело. Бормотание мотора отдалось в каждой Володиной мышце, как электрический ток.

Он встал на берегу во весь рост, глядя навстречу реке, навстречу течению, на высокие, поросшие темными елями берега, открывавшие широкий плес.

Посреди плеса возвышался стройный остров, желто-зеленый, из песка и леса, остроносый с обоих концов — похожий на корабль.

Солнце привстало над краем леса, бросило сползучей, и открытый плес ослепительно ударил в глаза Володе расплавленным оловом... Володя прикрыл глаза ладонью — из-за темного, почти черного мыса выскочила лодка, оглушив плес раскатистым и звонким голосом мотора.

Человек сидел на моторе! Живой человек! Страшно знакомый! Прокон! Отец Алевтины! Это он!

— Дядя Прокон! Дядя-а! Дяденька-а-а! — закричал Володя, прыгая на высоком берегу и размахивая руками. — Это я! Володя! Дяденька-а-а!..

Человек в лодке вскинул голову, не выпуская из левой руки руль, потом заглушил мотор и встал... Голубой дымок взвился над мотором в золотой воздух. Стало тихо. Лодка быстро, по инерции приближалась к Володиному берегу, беззвучно рассекая поверхность реки, оставляя за собой гладкие веерообразные волны.

Володя с колотящимся сердцем бросился вниз с обрыва. Камни и земля сыпались из-под

ног, обгоняя Володю, громко плюхались под обрывом в воду. Вдруг Пропок резко наклонился, дернул веревку — мотор взревел, лодка подпрыгнула и понеслась, рассекая воду — вниз — по рукаву — мимо острова...

Володя почти на четвереньках медленно вполз по обрыву на берег, упал ничком в траву. Он лежал неподвижно. Звук моторки быстро затих вдалеке, за таежными изгибами реки...

Долго Володя ничего не чувствовал и не слышал, а потом вдруг услышал он голос дедушки и увидел себя с ним и с братом дома, в избе, за столом. Весело смотрит на Володю дед Мартемьян.

— Люблю я тебя! — говорит он ласковым голосом. — Потому что ты маленький! И потому что на меня похож! Глаза твои люблю синие! И волосы белые! Всю головку твою люблю умную!

— Нет, на меня он похож! — перебивает брат Иван, схватывая Володю руками и поднимая его в воздух. — Люблю я эту головку смысленную и ручонки ловкие! Хочу, чтоб держали они штурвал самолета! Чтоб летал Володя по всему свету, как сокол!

— Я на Луну хочу! — говорит Володя.

— И на Луну полетишь! — кивает Иван. — Да что там Луна, когда найдутся тебе планеты поинтереснее!

— И я вас люблю! — громко говорит Володя со слезами в голосе. — Люблю я вас всех! Люблю! И уходить от вас не хочу!

И тут Володя закричал — долгим звериным воплем, эхом отдавшимся в тайге.

...В это самое время сидел в своей избушке на Ильче дед Мартемьян. Всю ночь он не спал. Последние ночи ему вообще плохо спалось. Здоров был дед Мартемьян как бык. А последние дни и ночи вдруг стал чувствовать себя смутно, какая-то тяжесть в затылке и слабость во всем теле. И сон не в отдых. Внушек ему что-то все снился: Володечка. Вот и сегодня ночью тоже.

Дед сидел на кровати, свесив ноги и сдвинув в сторону подвешенный к потолку белоснежный марлевый полог. В избе было очень чисто, большая русская печь в углу побелена, лавки, стол, полки и пол выскоблены охотничьим ножом. На чистом полу большая медвежья шкура. Под потолком вдоль стен висят пучки лечебных трав. В большой раме под стеклом — фотографии: и молодой Мартемьян с женой, и Володя с братом — маленькие, в длинных белых рубашках до пят, и уже большие — возле Иванова вертолета; и покойные Володины родители на фоне какого-то сказочного парусника со спасательным кругом на первом плане; бородатый геолог с орденами на груди и еще кое-кто из односельчан.

Избушка стояла у самого края таежной чащи. Единственным окошком смотрела на юг, через Ильч, который делал здесь крутой пово-

рот. Дверь же избушки выходила на восток, где находился сейчас Володя. Но дед об этом ничего не знал. Он сидел на кровати и смотрел сквозь золотой луч солнца прямо перед собой — туда, куда уходила от избы тропинка: через влажный болотистый луг, а потом по гальке к воде. На противоположном берегу тропинка опять выныривала из воды и карабкалась вверх по обрывистому склону, чтобы бежать дальше вниз по течению правым берегом Ильча.

В воздухе стояла нетрунная утренняя тишина. Молчали редкие розовые облака над избушкой, молчали сосны и травы, молчала река, струившаяся здесь по глубокому темному руслу.

Мартемьян хотел было встать, вспыхнуть воду и заварить настой биголова — он уже сделал движение, да замер.

Он услышал детский крик и узнал голос Володи! Это был один резкий, но долгий крик, который начинался с высокого тона, а потом, умирая, как бы терялся где-то на востоке...

Дед Мартемьян вскочил не помня себя, распахнул дверь: снаружи было пусто и тихо. Он obeжал, тяжело дыша, избу — никого! И тут деду все стало ясно: где-то там, далеко — в деревне ли, еще где — было плохо с Володей. И Володя звал его.

Не теряя больше ни минуты, Мартемьян стал собираться в путь.

...А Володя встал и пошел, качаясь, в ту сторону, куда скрылся Пропок. Маленькая это была река, вдоль которой Володя сейчас шел — не похожая на Ильч. «Но раз Пропок по ней спускается, должна она к Ильчу привести», — утвердился в своих мыслях Володя.

...Становую сеть он увидел еще издали, подходя к этому месту. Лежал там поперек реки какой-то каменный Великан. Словно навзничь упал Великан и так окаменел: выгнув над рекой одно колено, опустив другую ногу на дно, а тело его и голова заросли лесом. Где-то там, среди елей, угадывались его грудь и раскинутые по берегу руки.

Река веками отбачивала выступавшее из воды великанье колено, перекатывалась через утонувшую голеню; в пасмурную погоду, когда нет солнца или когда на это место падала тень от верхушек деревьев и река в тени становилась прозрачной, тогда — если приглядеться — можно было угадать в желтоватой толще воды на речном дне ступни Великана.

Великан лежал на правом берегу, и слева на него накатывалась река, колотясь об этот порог. Преодолев его, река заворачивала вправо, под спину Великана, вымывая у берега глубокую яму. Здесь вода успокаивалась, медленно кружа, а потом опять убегала дальше.

Вот в этой яме Володя и увидел становую сеть. Он узнал ее по рыжим старым берестяным поплавам и по высокому тонкому кончи-

ку шеста над гладью воды. Кто-то поставил здесь сеть на семгу. Дед Мартемьян всегда ставил такие сети, и Володя ему часто помогал. Но это была не дедушкина сеть. Да и места были не дедушкины, вся река не дедушкина — мало ли кто мог поставить эту сеть.

Еще издали, подходя к этому месту, Володя оглядывался по сторонам — берега были пустыни, никаких человеческих признаков, никаких следов. Разве что Великан на берегу, наполовину в воде. Но он давным-давно окаменел, зарос лесом — «стал просто скалой», — подумал Володя.

Большой ворон кружил в небе над этим местом, высматривая себе добычу.

«Может, это Великанья сеть? — пронеслось в голове, и Володя удивился этой догадке. — Может, и сеть окаменела? Стоит в реке каменная сеть и в ней каменная семга! Вот интересно!»

Ему вдруг страшно захотелось спать. Он лег в тени на траву и заснул.

...Великан пришел ночью, когда Володя все еще крепко спал, сел рядом, над Володей, загородив собой звездное небо — и от этой темноты Володя проснулся. Вернее — от звездной тени, потому что видеть можно было, но все было расплывчатым. Великан смотрел на Володю пустыми каменными зрачками.

— Ну, что ты на меня так смотришь? — спросил Володя. — Заблудился я...

— Это пожар тебя попутал, — сказал Великан. — Ночью, в пожаре, ты переплыл Ильич и сейчас находишься на реке Ичед-Яга. Иди по ней вниз, а как до Ильича дойдешь — поверни направо, вверх, и по Ильичу топай... Пожар там уже кончился. Пройдешь немного — вот тебе и избушка...

«Ичед-Яга! — подумал Володя. — Ну конечно же!» Володя знал эту реку, не раз उसे видал. Но вверх никогда не поднимался.

— Это правда? — весело спросил Володя. — Не обманываете?

— А чего мне обманывать!

— Спасибо! — обрадовался Володя.

— Не стоит.

Он встал — огромный, серокаменный, и земля задрожала от его шагов, отдаваясь гулким эхом, даже небеса задрожали, они вдруг расколотились, и небесная трещина оплавилась молнией. Загредел гром, и сразу хлынул из расколовшегося неба ливень...

«Откуда только туча взялась?» — подумал Володя. Он побежал к елкам, тесно столпившимся на краю леса. Елки были невysокые, густые, нижние лапы широко висели над самой землей: они обнимались тесно и дружно. Володя залез под них, как под крышу, согнувшись там в три погибели. Здесь было сухо.

Лохматые лапы елок рисовались черным силуэтом на фоне молний. Ливень шумел, и гром оглушал Володю. Но и громовое эхо, и вспышки молний, и ливень быстро ушли в тайгу и затихли.

Крупные холодные капли, пробившись сквозь густую хвою елок, изредка падали на голову, на лицо, на руки, — невидимые и холодные. Река в отдалении тоже притихла.

Володя свернулся клубком, положил под локоть локоть и заснул.

...Ночь стояла над Ильичем и притоками, над тайгой и горами, над камнями, песками и болотами — надо всем Уралом; спали все звери, и птицы, и рыбы, дремали пороги — потому что они по-настоящему никогда не спят, — а луна и звезды спали крепко, затянутые тучами; дождь тоже засыпал, сам себя убаюкивая своей колыбельной песней... Но не спал дед Мартемьян. И не спал Пропок.

Дед Мартемьян подплывал в своей лодке к деревне: ровно тарыхтел мотор, смешиваясь с шумом дождя по воде и с шумом самой воды, сонно грохотавшей о камни. Он спешил. Он думал о Володе.

А Пропок не спал дома после похмелья. Ревнувшись, он на радостях хорошенько выпил, почочевряжился перед соседями и теперь никак не мог уснуть. Он ворочался на голом горбате диване одетый, в грязных сапогах. За перегородкой в широкой семейной кровати под белым пологом тихо посапывала во сне Алевтина, разметав по подушке рыжие косы. Но Пропок о ней не думал. Он прислушивался к спению за окном дождевых капель и думал о Володе — смутно думал, потому что он всегда думал смутно. Он думал о том, что сейчас там, над обрывом, тоже идет дождь, как идет он по всему Ильичу — и что если дождь и кончится, то ненадолго — все равно теперь ждать дождей — и холодов надо ждать — и белых мух — и Володе там, на реке, уже не выжить...

Еще думал Пропок о том, что Алевтина сильно тосковать будет по Володе... ну, да ничего! Забудет она его, когда подрастет...

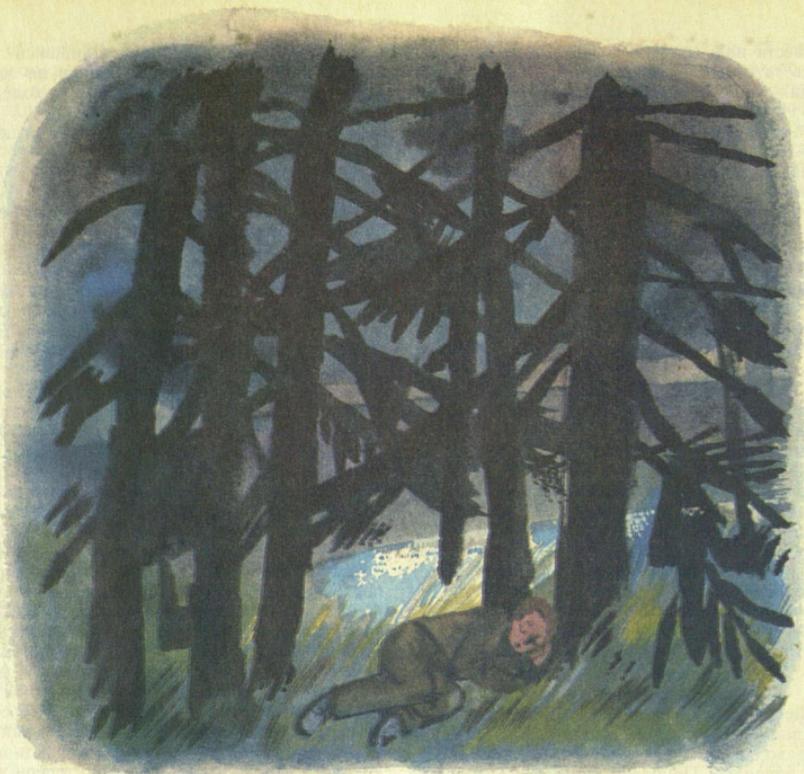
Так прошла эта ночь.

К утру дождь стих, и ветер опять ненадолго разогнал тучи, оставив рваные облака.

Проснулся Володя в сыром и прохладном мире. Только под елками, где он лежал, было сухо и немножко колко от старой хвойной подстилки. Зато снаружи — увидел Володя сквозь растопыренные еловые пальцы — блестили на поникших мягких травах круглые тяжелые капли, многократно отражавшие солнце. Промытое небо стало чистым и бледным — знойная синева с него за ночь сползла, стало прохладней. Река в отдалении все о чем-то бормотала, не нарушая тишины, и в этой тишине Володя вдруг услышал ворчание в собственном животе. Он повернулся, и в животе резануло, как будто там застряла большая рыба кость.

Володя выполз на локтях из-под колючих елок и встал. Он стоял в мокрой траве, оглядываясь по сторонам.

Все вокруг было такое же, как вчера: песча-

ный берег, блестящая поверхность воды с поплавками, Великан... Он лежал на том же месте, опустив ноги в реку и выставив над водой одно колено — возле сети, как будто сторожил ее тут... Приходил он этой ночью или нет? Может, это все приснилось? А как же дорога на Ильч? Которую он объяснял? Чудеса!

«Ну, дорогу-то мы проверим!» — решил Володя.

...Он пошел вниз по реке, по крошкой и скользкой тропинке. Мутные лужи пересекали ее на каждом шагу. И река помутнела — она тащила вдоль мокрых берегов желтую, хлопьями, пену.

К вечеру из-за лохматых уральских предгорий напозла на небо полосатая — от края до края — желто-серая пелена; она предвещала начало зимы. И сейчас на нее смотрели все: дед Мартемьян смотрел, стоя возле своей лодки на берегу Ильча, где он искал Володю; с тревогой смотрела на пелену Алевтина — на их любимом с Володей обрыве над омутом; брат Иван смотрел на зловещую пелену на аэродроме в Тронко-Печорске, собираясь вылетать на поиски вопреки всем прогнозам; все

смотрели на эту пелену в тоске, думая о потерявшемся мальчике, в том числе и начальник районного отделения милиции в Еремееве, и его подчиненные, и, конечно, все жители деревни, где бы они ни были — и старушки на завалинках, и мужики в тайге и на реке, и ребяташки во дворах — кроме одного только человека, — вы знаете, о ком я говорю.

Поиски, конечно, организовали сразу, как только дед поднял тревогу. Приехала милиция. Всей деревней вышли на другой день в тайгу — в дождь и холод. Но никто ведь не знал, в какую сторону мальчик пошел! И пошел ли он вообще куда-нибудь! Поспрашивали ребятшек: не купались ли они с Володей, не видел ли кто, что Володя тонул... Но никто ничего не знал, даже Алевтина. А Прокоп молчал, будто камень, и тоже — пьяный — ходил со всеми в тайгу: искал, молчал, путался у людей под ногами.

А тоскливая пелена в небе росла. И Володя, шагая по берегу Ичед-Яги — все ближе к Ильчу, — тоже смотрел на затягивающую небо пелену. Серая полоса туч поднималась все выше и выше — вот солнце опять брызнуло ослепи-

тельным сиянием — и сразу потухло, погружаясь в густую, непроницаемую тучу.

Помните, говорил я в предисловии, что в природе всегда все хорошо? А как же, — скажете вы, — все хорошо, если Володя от холода и голода погибает? Противоречие тут какое-то... Подождите, я вам сейчас все растолкую!

Конечно, в природе всегда все хорошо! Но когда хорошо в ней все для человека — вот в чем вопрос! Человек же не зверь и не рыба. Для человека в тайге тогда хорошо, когда он сыт, обут, одет, вооружен — вот когда! А голому человеку хорошо лишь на пляже под горячим небом — и то ненадолго!

Дождь между тем уже сыпал опять с вечерющего неба, набирая силу, — холодный, затяжной, он тихо кипел в траве, в лужах, в реке, стекая струйками с берегов, наполняя мутными ручейками реки и все углубления: в земле, в скалах, в камнях. Володя шел уже совершенно мокрый, ощущая в животе резкую боль.

Стемнело, но Володя все шел. И мысли продолжали идти с ним. Но они шли теперь вразброд, неясно, словно замерзая от холодного дождя и ветра...

Ветер хлестал струями дождя по деревьям, по мутной рябой реке, по камням, по Володиной спине, подгоняя его. Земля стала скользкой, и особенно раскисшие корни деревьев, по которым приходилось шагать там, где они пересекали узкую тропку...

Порой Володя выходил на песчаные места или на камни — там было легче идти, — а потом опять начинались скользкие корни под деревьями, и кочки, и торфяник, и мох. Мох и торфяник впитали уже много влаги и влажно хлюпали и чмокали под ногами, как губки.

Володя шел возле самой воды, угадывая в темноте присутствие реки по ее шуму. Останавливаться не хотелось — да и зачем? Спичек не было, и еды не было... ничего не было, кроме этой ночи и дождя. Он шел, то и дело падая, вытирая руки о мокрую рваную одежду, и опять шел, стиснув зубы. Наконец он присел возле реки под деревом — под невысоким глинистым обрывом — и в тоске задремал...

Сколько он так сидел — я не знаю, да и он сам не знает, он то засыпал на мгновение, то просыпался.

Невидимая река под берегом тихо сипела, набухая дождем, — и это было единственным, что как-то радовало — все-таки живая река, стремящаяся к цели — в Большой Ильч, куда и Володя должен прийти несмотря ни на что!

Сквозь низкие тяжелые тучи и дождь незаметно забрезжило утро, и Володя увидел в двух шагах травянистый берег. Вода сильно поднялась. Потом стало еще светлей. Володя увидел всю неширокую Ичед-Ягу, покрытую быстро несущейся ржавой пеной и редкими сучьями... Даже бревно пронеслось мимо Володы, будто спешило догнать обещавшие весною плоты.

Ветер дул, становясь все холоднее, раскачи-

вал перед Володиными глазами тяжелые мокрые ветви березы.

Володя встал, разгибая затекшие ноги и руки, и опять пошел. Пошел вдоль реки, не теряя ее из виду, боясь потерять ее хотя бы на миг.

Странный шум послышался ему, и он остановился, прислушиваясь сквозь шум реки и дождя... Это был вертолет!

Знакомый Володе с малых лет родной голос вертолета — бодрый голос, стремившийся перекричать шум дождя и ветра... Что было делать Володе? Тоже кричать? Смешно! Володя быстро побежал вперед, немного в сторону, где берег был повыше и более открытый — поросшая редкими елями поляна, — добежал туда, спотыкаясь и падая, — и встал посередине, задрал голову, и вертолет вдруг промелькнул над ним, как привидение — зеленым брюхом, радиораструбом под хвостом — промелькнул полураструренный в густом, как туман, дожде — и опять скрылся, оставив на некоторое время в ушах Володи еще стальной голос...

Володя стоял еще мгновение с поднятыми вверх руками, потом вернулся к реке и пошел вдоль нее по течению — все дальше и дальше, подгоняемый ветром...

Спускаясь к реке, Володя наткнулся на заросли голубики. Черные в стекающих каплях дождя, покрытые синеватым белесым налетом, продолговатые ягоды висели густо, вздрагивая от ветра. Володя опустился на колени и долго ел их, засовывая в рот руками целые гроздья, обрывая их губами вместе с листочками, ел, стоя в мокрой траве на коленях — голых, потому что брюки совсем порвались. Но он не чувствовал холода травы и земли, он чувствовал в этот момент только голод, и ел, и ел, и ел.

Так он шел весь день. Иногда пил мутную воду, иногда ел ягоды с кустов. И опять шел, мелко дрожа, когда вдруг останавливался или замедлял шаг.

Ночь он провел прозяблый, скрючившись под берегом, под ветвями густых елей. Там тоже было мокро, но ели защищали его от ветра.

Ночи черные — хоть глаз выколи! — а дни серые, сотканые из дождя и ветра, из шума воды и деревьев. Птиц не было слышно. И вертолета тоже больше не было слышно. Ничего, кроме ветра, реки, дождя, шелестящих деревьев...

Течение в реке все усиливалось, она поднялась почти на метр. Поднялась вода и в болотах. Все выходило из берегов — реки, ручьи! Овраги наполнялись водой и текли, как реки, или стояли, как пруды и озера.

Один такой овраг, наполненный до краев молочно-желтой водой, преградил путь Володе, разорвав тропу, — вода в овраге тихо вскипала, незаметно поднимаясь все выше, глотая траву и кусты, обнимая стволы деревьев, медленно стекая в набухшую реку. Немного в стороне от реки наклонилась над оврагом мощная толстая лиственница, купая в воде кон-

чики густо-зеленых ветвей, доставая верхушкой до другого берега.

Володя пошел от реки вдоль оврага, надеясь, что скоро овраг кончится или обмелеет. Когда он сунулся было прямо, то увидел, что вода глубока.

Дождь лил бесконечным потоком, и по поверхности этой новорожденной протоки плясали мутные пузыри — плыла и кружилась желтая пена — как на кипящем гороховом супе, — Володя все смотрел по сторонам и шлепал по краю протоки разбитыми кедами — пока не понял, что до конца этой протоки, таинственно терпящейся в оранжево-синей чаще, он вряд ли скоро дойдет, а может, и вообще не дойдет — тогда он повернул назад, вспомнив о ливеннице, по которой можно поprobовать перебраться.

Он залез на скользкую ливенницу и медленно карабкался по ней, потому что пальцы рук плохо сгибались, — и вдруг — неожиданно — на середине протоки — сорвался в воду, — испугавшись в первый момент — сердце от страха тоже куда-то сорвалось — но мутная пенястая вода показалась ему странной — и он, вынырнув на поверхность и отплеываясь, поплыл к берегу по-собачьи — и вплыл на четвереньках в лес...

И снова пошел...

И тут он вдруг увидел Илыч! Большая река неслась перед ним влево — с севера на юг — как и должно было быть.

Илыч встретил Володю сурово и вместе с тем радостно — хотя не до игры сейчас было! Не до веселого купания, как недавно. Илыч катил мутные волны, ворча на приближение зимы: скоро подо льдом течь, и ему это, казалось, не нравилось; казалось, он не любил перемен, хотя сам всегда мчался вперед, к Печоре, чтобы вместе с ней, потеряв свое имя, бежать в океан — раствориться там в соленой воде, в бесконечности океанских глубин. На самом же деле Илыч, в сущности, никогда не грустил и не злился — он был всегда бесстрастен — подо льдом ли и снегом зимой — под солнцем ли в короткое лето — под дождем ли осенью или весной — он только людям казался то злым, то веселым, то печальным — на самом деле ему всегда все было равно...

Володе, который опять шел вдоль Илыча против течения — по левому берегу — стало уже все равно — не жизнь и смерть, нет! — он хотел жить и шел, чтобы жить, — ему было все равно: плыть или идти — после того, первого оврага, куда он упал с ливенницы: в дождевой воде потоков и глубоких луж было теплей, чем просто под дождем — поэтому он безропотно входил в воду и шел, и плыл, и опять шел, не заботясь ни о какой тропе — лишь бы Илыч бежал рядом навстречу — Володя веселел от этого соседства, даже голод вдруг куда-то исчез... Он пошел быстрее — очень быстро шел он сейчас — дедушка бы обрадовался, увидев, как он шагает! Возгордился бы им дедушка!

Володя вспомнил: прилетели они как-то с дедушкой в Троицко-Печорск — с самолета сошли — дошли до автобусной станции, вдруг — ливень! Под навесом в ожидании автобуса толпились люди; рядом — перейти через мостовую — стоянка такси и три машины зелеными огоньками сквозь дождь светят! Дедушка говорит: «Да что мы стоим! Пойдем, Володечка, на такси!» — и они весело пошли под теплым ливнем к стоянке... Тут сзади кто-то сказал — оба они хорошо слышали: «Ну, этим-то людям уже ничего не страшно!» — и удивленно вздохнула толпа.

Всю дорогу они с дедушкой в машине смеялись, и шофер смеялся, когда они ему рассказывали про эти слова. Посмотрел на них шофер: действительно, говорит, вид у вас обоих браво-ый, загорелый, таежный! Это, конечно, так! Но смешные все-таки люди бывают: перейти под теплым июльским ливнем мостовую бояться, жмутся под крышей!

Володя все шел, мелко стуча зубами и судорожно поводя руками и плечами.

Если б его сейчас спросили, сколько он так шел, он бы не смог ответить. Он теперь этого не знал.

Увидел лужу под ногами, опустился на четвереньки и заглянул в коричневое зеркало — и увидел себя страшно опухшим, руки и ноги и те распухли.

— Больше я не могу идти! — сказал Володя тому — распухшему — в луже — и сам удивился незнакомому голосу...

Он сел над рекой — в мокрой, жесткой траве. Струйки дождя текли по разорванной в клочья Володиной одежде — под лохмотьями они смешивались с холодным потом. На губах было кисло от дождя и пота.

Вдруг откуда ни возьмись Главный Муравей встал рядом и посмотрел на Володю секциями глаз. От серого неба, серого дождя и напоенного дождем воздуха бесчисленные глаза Муравья были тусклыми, пустыми, без всяких в них отражений. Даже без бликов. Они смотрели сурово.

— Вставай, — сказал Муравей. — Надо идти.

— Не могу я больше, — повторил Володя. — Сил моих нету.

— Есть у тебя силы! Нечего болтать... Или ты жить больше не хочешь?

— Жить я хочу, — кивнул Володя. — Но сил нет...

— Ну-ка, хлопни по муравейнику рукой!

Володя поднял руку, растопырив пальцы, и ударил по мокрому колючему муравейнику.

— Сильней! — крикнул Главный. — И наклони голову, дыши!

Володя еще раз ударил по муравейнику, наклонив над ним голову, и ощутил кожей, как много маленьких невидимых фонтанчиков ударило ему в лицо. Легко и приятно запахло му-

равным спиртом. Володя вдыхал этот спирт ртом и носом, стоя на дрожащих коленях, и чувствовал, что вот-вот упадет...

С каждым вдохом он чувствовал, как вливается в него сила.

— Как себя чувствуешь? — спросил Главный.

— Хорошо! — сказал Володя. — Теперь лучше. Теперь могу идти.

— Ну, и отлично! — удовлетворенно произнес Главный. — Теперь уже не так далеко идти.

— Это ведь Илыч? — спросил Володя.

— Илыч! Это Илыч!

— И я тоже так думаю. Тут сомнений быть не должно...

И Володя двинулся.

Идти по высоким кочкам было трудно. Проклятые! Они заросли травой, и Володя не видел, куда ступает нога: на кочку или мимо, в полную воды яму. Он все время спотыкался. «Наверно, со стороны я похож на пьяного», — подумал Володя.

Скоро кочки кончатся, впереди опять лес. Деревья растут там на высоких серых скалах, — внизу, у подножия этих скал кипел белый порог, притушенный пеленой дождя. «Здесь придется углубиться дальше в лес, чтобы обойти скалы, — вздохнул Володя. — Одно другого не легче! В чаще пойдут поваленные деревья, придется через них перелезть. То же тяжело, но все-таки легче, чем по кочкам...»

Он вступил в лес, цеплявшийся корнями за скалы, под темно-зеленую крышу обнявшихся вверх елей и лиственниц. Сразу стало сумеречно. И холодней — от лесной сырости. Запахло прелыми листьями. Грибами. Гнилушками и болотом. Дождь здесь тоже шел, но не частый и мелкий, как на открытых местах, а редкий и крупный, с тяжелыми, как град, каплями. Это оттого, что дождь останавливался вверх, в тесной листве и хвое, собирался там в большие капли и уже тогда прорывался вниз; иногда он прорывался целыми потоками — они били по голове, текли за шиворот.

Ноги все время скользили по мокрым раскисшим корням деревьев и кустов, срывались со скользких палых стволов в серые лужи.

И он шел, не чувствуя ног — опять по обрыву над рекой, где лес кончался высокой зеленой бахромой, окаймлявшей скалы. Володя шел и шел. И опять шел. И шел, и шел, и шел, и шел...

Это он в Москву идет... а куда вы думали? Конечно, в Москву идет Володя! Он давно хотел в Москву, и вот, наконец, собрался. Идет он, вовсе ног под собой не чувствуя — легко идет, как будто парит над землей... А Муравей где? Да вон он! А почему такой маленький? А это потому, что он далеко внизу — Володя ведь над землей идет! Илыч-то вон где — тоже далеко — под скалой бежит: от деловой избушки в деревню... А вон и медведи на берегу, тоже маленькие, не больше собак: медведица и трое медвежат. Смотрят на Володю, задрва-

говыми: «Счастливого пути!» — «Спасибо!» — кричит в ответ Володя. Это же друзья дорогие, братья тажезные! Все здесь его братья! Вон и лоси в реке стоят, тоже головы задрали — рога к спинам — провожают Володю глазами. «Иди! Иди!» — трубят лоси. — Передай там привет Москве! А вон и зайчик — серенький еще перед зимой — смеется! Выздоравливает, значит! «Ну и хорошо, — подумал Володя. — Выздоравливай, старичок!»

— И ты выздоравливай! — кричит зайчик. — Счастливого тебе пути! Двигайся скорее! — и лапкой серенькой машет.

«Я и двигаюсь, — думает Володя. — Дойти мне раз плонуть!»

Путь ему впереди немалый, но Володя идет быстро: как шагнет — так лужайка позади, как еще шагнет — так лесок позади, как в третий раз шагнет — так весь Урал позади... Так быстро шагает Володя, потому что он Великан! Высокий он, и ловкий, могучий!

Высоко над землей идет Володя, как будто летит... Только вот тяжесть за плечами какая-то... Да это же пестерь за плечами! Корзина дорожная! Как это он об ней позабыл! Семга болышущая, соленая, лежит в пестере.

Идет Володя, идет, идет — несет Москве привет от Запечорского края... Сейчас он увидит, какая она — Москва! Говорили: каменная вся. Вся земля там в камень закована, а дома высокие, до неб! Качаются, наверно, здорово на ветру. Сидишь в них, как на качелях. И смотришь в окно, как земля вдалеке качается... Вот как сейчас... Качается земля — качается, — а Володя все идет — идет...

Поворот реки он вдруг узнал и ярко-зеленый, поросший болотными водянистыми листьями и желтыми круглыми цветами луг на берегу реки. Сейчас Володя уже шел, увязая в хрустящих под ногами, сочных, напоенных водой листьях, утопая в мокрой вязкой глине... Сейчас он должен увидеть избушку! Есть ли там кто — вот что интересно! Хорошо бы! А если дедушка домой ушел? И они разминулись? Ну, ничего — тогда он подождет в избушке. Отлежится. Там, в избушке, хорошо. Спички там есть. И дрова. И хлеб. И соль. И картошка. И даже мясо, наверно, есть, не говоря уже о рыбе. Все там есть, что нужно человеку для жизни.

Сейчас он дойдет! Подождите. Отдохнем немного!

Как это ни странно, Володя хотел немного отдалить момент встречи с избушкой. Отдалить этот момент своей победы. И хотел он этого бессознательно. Где-то в глубине своих мыслей он очень боялся, что дед может не быть в избушке. А если дедушка там, то Володя хотел подойти возможно бодрее, спокойнее, не запыхавшись... Как бы просто так! Смешно было так хотеть, конечно, потому что вид у Володи ужасный! И это он тоже сознавал, потому что видел свое отражение в ручьях, и в лужах, и в реке у берега... Ужасный, распухший!

Странно, почему это он так распух, это уж совершенно непонятно! Лицо распухло — губы, нос, щеки. А пальцами на руках и шевелить невозможно! Отдохнуть надо будет в избушке хорошенько — залезть на теплую печь и лежать, лежать, лежать...

Вот камень знаковый, возле самой воды... Огромный, розоватый, с синими прожилками круглый валун. Он уже тысячи лет тут лежит, говорил дедушка. Володя хорошо помнит этот валун, любит его. Все здесь Володя любит. Каждую песчинку. Еще несколько шагов — и из-за лесного мыса, из-за трех крайних черных елей откроется весь луг до конца и на краю его, возле леса — избушка. Сейчас он ее увидит...

Но сначала Володя увидел не избушку — он увидел на середине поляны вертолет! Братнин «МИ-4»! Иванов вертолет! Он стоял, пригнувшись над спиной длинные гибкие тонкие лопасти, и тихо дремал под дождем на привычном своем месте. А вон и люди из вертолета вылезли, закопошились возле него.

Володя даже засмеялся беззвучно, не раздвигая опухших губ... весело стало ему! Вот она — его победа! Все-таки он победил!

Володя опять остановился, разглядывая людей у вертолета. Вон Иван — открыл дверцу, опять в броне вертолета залезает! И дедушка с мешком! Все там; и Иван, и даже Алевтина! И участокный! Странно, что они все тут собрались! Улететь, наверно, хотя... «Скорей!» — шепнул Володя и пошел, спотыкаясь о листья...

Но его уже увидели! Вон они все бегут! Бегут они все! А он не может бежать... Эх! Упал!..

Сердце у него страшно забилось. Как хариус на крючке. И крючок в сердце Володы почувствовал — вернее, жгучую боль от крючка...

— Тихо! — еле сказал Володя. — Что вы толкаетесь-то?

— Что ты, Володечка? — это дед Мартемьян спрашивает, щекочет Володю бородой. Дед весь белый, — снег, что ли, пошел? Вроде дождь, а не снег...

И Иван его обнимает. Алевтина сзади стоит, смотрит...

— Тихе вы, — прошептал Володя.

— Ох, ты, Володечка! Дошел-таки! На руки его! Ну, берите же! — приказал дед Мартемьян.

Иван и Алевтина что-то говорили... как в тумане на том берегу...

А дед Мартемьян заплакал...

Ну, что вам еще сказать про Володю? Я могу вам, конечно, его рассказать, как Володя болел, как выздоравливал, как дед с Алевтиной его выхаживали... Но все это вам должно быть и так ясно.

Могу я рассказать, как о Володе в газетах заметку напечатали, и даже показать вам эту заметку — но и это, по-моему, не столь важно.

Могу я еще лишний раз расхвалить вам Володю, сказать, что он достоин не только заметки в газете, ну, хотя бы медали «За отвагу»... Но и это вы сами отлично без меня понимаете. Все вы, дорогие читатели, прекрасно все понимаете без меня. А то, что надо было, — я вам рассказал.

В 30-е годы в Ленинграде издавался журнал «Чиж».

Редакция журнала «Чиж» состояла всего из пяти человек и занимала одну скромную комнату как раз над большим залом филармонии.

Обстановка — самая скучная: четыре конторских стола, два шкафа, две пары венских стульев и широкий, приземистый диван, оббитый то ли слоновьей, то ли носорожьей древней кожей — такая она была изборожденная трещинами и складками.

Я почему-то до сих пор уверен, что в этой старинной коже таилась какая-то притягательная магическая сила.

Ведь был же, говорят, в доме Г. Х. Андерсена настоящий волшебный сундук!

Порывистый, всегда спешащий по неотложным делам, и — прежде всего — к своему рабочему столу, С. Я. Маршак произносил на лету, скороговоркой: «Я к вам всего на минутку!» Тут он присаживался на самый краешек податливого дивана, и — что же? Через пять—десять минут уже читал нам новые, еще не окончательно отшлифованные стихи, а спустя час с беззаботным видом рассевал озорные песни шведского поэта Бельмана вместе с нашей музыкальной завредакцией Эстер Паперной...

Теперь уж можно сознаться, что иногда мы специально заманивали в редакцию хороших людей — поэтов, художников, чтобы воспользоваться нашим диваном, как паук пользуется незаметно расставленной паутиной. И часто после того как жертва вырывалась из западни, можно было спокойно собирать добычу. На столе редактора, точно выкуп за освобождение, были разбросаны странички, вырванные из блокнота, и посмотрели бы вы, как весело играли косые лучи солнца на весело сияющих чернилах последних рифмованных строк...

На всякий случай спешу заверить читателя, что в моем рассказе он не найдет никаких преувеличений. Так все оно и было.

Пожалуй, только один из всех наших посетителей — Д. И. Хармс, этот неизменный друг «Чижка», располагался на загадочном диване привычно, как охотник на известной картине В. Перова. Вокруг него лежали в красивом беспорядке его вещи: атласный кисет, записная книжечка с золотым обрезом, кривая пенковая трубка... Не хватало еще двустолпик и патронташа.

Здесь, в самом деле, неплохо было и отдохнуть, и поразмыслить с пользой для редакции...

Впрочем, на диване могло разместиться, насколько не стесняя друг друга, и четверо пассажиров. Ну да, диван — не дилижанс, но я все-таки не ошибся, имея в виду пассажиров — учащихся головокружительных поездов по крутым дорогам вымысла и бесконечным холмам фантазии...

Так однажды и случилось, что гости сидели на диване. Это были самые изобретательные, самые остроумные авторы «Чижка».

Говорили, между прочим, что надо бы открыть «журнал в журнале» — «Красную шапочку», что надо делать ее позымсловатее, живее, надо создать игровую площадку... И вот, кем именно были произнесены эти три последние слова, я уж не помню, но только они-то и стали первыми брызгами фонтана, нет — клокочущего гейзера неудержимой выдумки.

Все мы в один миг почувствовали этот толчок. Конечно же, «Красной шапочке» нужно сделаться своеобразной цирковой ареной, где воображение крутило бы кульбиты, ходило бы вниз головой... Маленький журнал должен открыть свои странички для полного разгула самостоятельности и творчества ребят.

И сразу же хлынул такой мощный поток вдохновения, что секретарь заседания едва успевал записывать. Темы и предложения сыпались одно другого заманчивее, в воздухе замелькали удивительные заглавия будущих стихов, пьес, загадок...

СТИХИ ЧЕЛОВЕКА
С ДВАДЦАТЬЮ КАРМАНАМИ
ГОРЕ ВАСИЛИЯ КОТОФЕИЧА
МУРЛЫКИНА
НЕНАСТОЯЩАЯ ДЕВОЧКА
КАРТИНКА-СКАЗКА «ДОМ-
САЛОГ»
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НЕРЯХИ И
ГРЯЗНУЛИ...

Первое заседание «красношапочников», как мы стали себя называть, получилось кипучим, прямо-таки захватывающим. В наши планы входило все самое интересное: увлекательные игры, хитроумные задачи, перевёртыши и дорисовки. И еще — чтобы все без исключения было подано легко и забавно.

Ужасно хотелось работать по-новому: преобразовать плоскую журнальную страницу то в круглую крепостную башню или в кукольный кинотеатр, а то и в спортплощадку для игроков спичечного роста. А еще попробовать прошить иголкой с ниткой страницу так, чтобы на ней ожил, ну, скажем, лохматый пес, преследующий врага. Или открыть на обложке расписные станин нарядного оконца, чтобы оттуда выглянул обитатель сказочного домика...

И вот, в конце двухчасового сидения, когда волны остроумия, перекрестных реплик и отдельные всплески дружного хохота, наконец, мирно улеглись — наступила полная тишина. Все мы поглядывали друг на друга, удовлетворенно улыбаясь, вытирая со лбов капли трудового пота...

Как вдруг совсем нечаянно кто-то обнаружил среди клочков бумаги, папиросных коробок и всяческого мелкого сора аккуратно сложенный пестрый макет первого номера «Красной шапочки». Если б не позднее время, можно было подумать, что с улицы в форточку залетел бумажный голубок, пущенный кем-то шалуном.

Е. Чарушин

Е. Шварц

Б. Семенов

И мы, создатели этого крошечного журнала, смотрели на свое детище с удивлением и радостью; совсем как старик со старухой из сказки «Глиняный Иванушка» на своего долгожданного, неведомо как возникшего сыночка... Так стали мы встречаться в установленный день каждого месяца. Собирается человек пять—шесть, иногда круг расширялся, но без излишнего многолюдия.

Нина Владимировна Гернет. Она была первейшей выдумщицей, сочинительницей пьес и сказок, председателем всех наших собраний.

Вторым из главных деятелей «Красной шапочки» я должен назвать Даниила Ивановича Хармса, блистательного и необычного поэта, изобретателя трамвайного языка и других удивительных вещей.

Примеры самого разнообразного, искрометного юмора оставили на страницах «Красной шапочки» чудесные писатели и поэты: А. И. Пантелеев, В. А. Лифшиц, Э. С. Паперная, А. И. Введенский, Н. В. Дилакторская.

Даже Е. Л. Шварц, заваленный по горло спешной работой над очередной пьесой, прибегал хоть ненадолго к нам повеселиться, а то и подбросить в общий костер своего огонька. Весь литературный материал в «Красной шапочке», даже подписки к картинкам, все до мелочей делалось затейливо, оригинально.

А художники! Что за дивные художники готовили «Красную шапочку» к выходу в свет!

Юрий Алексеевич Васнецов. Ведь что бы он ни рисовал, все дышало любовью к детям, все изучало какое-то сказочное сияние, истинно народный, лукавый юмор. Ну как не залюбоваться таким обязательным, таким васнецовским котом В. К. Мурлыкиным. Не случайно стал он впоследствии любимой настенной картиной в тысячах детских садов.

А Владимир Михайлович Конашевич, этот неистощимый кудесник, автор множества увлекательных сказок без слов. Вот хотя бы «красношапочный» ДОМ-САПОГ. Вряд ли среди читателей «Красной шапочки» нашелся такой, кому не захотелось бы рассмотреть эту заманчивую картинку и попытаться разгадать — что за хозяин поселился в стареньком башмаке, потерянном в лесной чаще? Чей покой охраняет посаженный на цепь сторожевой... кузнечик? Чья

там одежда сушится на веревке? Как много еще возникает вопросов, но чем дольше вглядываешься в рисунок, тем больше случается тайна...

Надо было посмотреть, с какой виртуозной быстротой вырезал Лев Александрович Юдин малюсенькими ножничками изощреннейшие, очень смешные фигурки человечков и зверей из листов черной бумаги. А какими радужными, прямо-таки волшебными красками раскрашивал он свои причудливые рисунки...

Да, «Красную шапочку» делали заботливые, умелые и любящие руки. Но, странное дело, — перелистывая комплекты журнала, вы не найдете там подписей авторов и художников. Хотя художников узнать несложно, недаром говорят: пахомовский ребенок, васнецовский медведь, чарушинский зайчик...

Почему же в «Красной шапочке» не указаны ничьи фамилии?

Отвечая вам сразу. Содружество «красношапочников» было настолько тесным, взаимопроницающим, что иногда трудно было установить — кто же является автором той или иной вещи. Зачастую искусство художника не просто дополняло замысел поэта, но и опережало его мысль. И бывало наоборот — писатель неожиданно наполнял готовый рисунок новым, более остроумным содержанием.

Была и еще одна причина. Назовем это Законом Равенства. Считалось, что в «Красной шапочке» нет мелкой, незначительной работы, все одинаково нужно и равно. А в конце журнала стояла одна только подпись — человека без лица и без фамилии. К нему-то и обращались дети в своих письмах, у него спрашивали совета, ему присылали ответы на задачи и загадки... Этот человек был выдуманный редактор Дима.

Итак, мы были бесфамильные «красношапочники», вот и все.

А так как я тоже из их числа, то, стало быть, ни за что не расскажу, — кто что написал, кто что нарисовал.

Хоть я отлично помню, например, что Д. Хармс — автор стихов «Искала старушка букашек в цветах...», а Н. Гернет сочинила пьесу «Ненстоящая девочка», что Э. Паперная написала «Страшную ошибку»...

Однако — молчу! Не пророню больше ни звука. Снимаю изрядно уже выцветшую шапочку (красную, конечно), кланяюсь и приглашаю читателя на 57-ю страницу.

Б. Семенов

С. Маршак

Д. Хармс

В. Конашевич

Ю. Васнецов

Анатолий Ружевский Маршак

С ПЛАМЕНЕМ В СЕРДЦЕ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

„Человек несгибаемой воли“ — эти слова всегда ставят рядом с именем Николая Островского.

„Как закалялась сталь“ стала любимой повестью советской молодежи и еще при жизни писателя перешагнула за рубежи нашей страны.

Преданность советской Родине, мужество и героизм достались Корчагину от самого Островского, хотя писатель не раз говорил: „Это роман, а не биография“.

Судьбы корчагинцев — это судьбы советских людей — пример безавторной верности делу коммунизма. „Нас спаяла борьба за счастье народа. Мы шли тесной колонной вместе с нашими отцами, руководимые Коммунистической партией“ — горячо говорил Николай Островский в речи по радио на Всеукраинском съезде комсомола в апреле 1936 года. Это было за несколько месяцев до смерти...

Родился Николай Островский в 1904 году в семье рабочих — Алексея Ивановича и Ольги Осиповны. Семья жила бедно, постоянно нуждалась. Родители трудились не покладая рук, но досыта накормить четверых детей могли далеко не всегда.

Голод, нищета, унижения Коля узнал очень рано. Коле не исполнилось и одиннадцати, когда его исключили из городского училища. Пришлось идти работать на станцию. Тяжелую долю „будетного мальчика“ Островский тоне описал в книге „Как закалялась сталь“.

Сестра писателя, Екатерина Алексеевна, вспоминает, что в детстве любимыми героями брата были Кобзарь и Тарас Бульба. Эти борцы за справедливость, бесстрашные люди дали мальчику первые уроки мужества.

В 1917 году старший брат Дмитрий устроил

Колю подручным чокагара на электростанцию. Коля жадно слушает разговоры рабочих. Огромное влияние на будущего бойца-коммуниста оказало знакомство с Федором Передрайчуком, бывшим матросом, машинистом электростанции.

Летом 1919 года Николай вступает в комсомол и сразу же уходит добровольцем на фронт. Он сражается в бригаде легендарного Котовского, участвует в боях Первой Конной Буденного.

В сражениях с белыми юный красноармеец был дважды ранен. Одно ранение оказалось крайне тяжелым, армию пришлось оставить. Несколько лет безуспешно боролись врачи за его здоровье. Николаю Островскому шел всего двадцать первый год, когда стало ясно — болезнь неизлечима, она ведет к полной неподвижности и слепоте.

Вспомните в его портреты разных лет. Вся жизнь писателя не расставался со скромной военной гимнастеркой, долгие годы хранил буденовку и красноармейскую шинель.

Больной, преодолевающий постоянные страдания, Николай Островский не покидает строй. Он на труднейших участках комсомольской работы, он стремится туда, где стране нужны ударные комсомольские отряды. Работа в главных железнодорожных мастерских, на строительстве узкоколейки, на лесосплаве — по колено в ледяной воде, работа в Издательском райкоме комсомола...

В 1924 году — в год ленинского призыва — Островский был принят в партию.

Болезнь не отступала. К концу 1926 года Николай уже не может двигаться на костылях. Сложнейшие операции, но все безуспешно.

„Борьба за жизнь, за возвращение в строй“, вот что такое, говоря словами самого писателя, последние годы его жизни.

„Во что бы то ни стало надо идти вперед, в этом — мужество“. Идти вперед — значит учиться, наверстать то, что не успел. Николай поступает в заочный Коммунистический университет имени Свердлова, слушает лекции по радио, посылает на проверку контрольные работы. Неутомимо помогают ему близкие, поддерживают друзья; „Моя жизнь — это работа и дружба друзей“.

Болезнь вывела меня из строя. Я не мог быть среди вас, перестал двигаться, видеть. Жизнь поставила передо мной задачу овладения новым оружием, могущим вернуть меня в ряды наступающего по всему фронту пролетариата. Писать можно, не видя и не двигаясь“.

Болезнь мешала ему работать, успевать сделать столько, сколько хотелось... „Внутренним мятежом“, „классовым врагом“ называл он свои недуги. И радовался, когда удавалось победить их. „Моя личная трагедия отнесена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи для создающего нами прекрасного здания, имя которому — социализм.“

Закончив работу над первой частью книги „Как закалялась сталь“, писатель с гордостью докладывал друзьям: „Я стал бойцом действующим“.

Мужание в огне гражданской войны, в бурях революции, заалка советского характера — судьба Павла Корчагина.

Писатель мечтал написать новые книги — „Детство Павки“ и „Счастье Корчагина“, закончить вторую книгу романа „Рожденные бурей“.

„Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям, — утверждал писатель-коммунист. —...Я очень счастливый человек, несмотря на все“.

Еще многим и многим поколениям будут служить книги Николая Островского. В борьбе за счастье, за светлое будущее.

Л. Пожидаева

Весь день шатались там и сям,
Бродили по лесам,
Вернулись ночью — и взгляни:
Произошла беда!
Хозяев спутали они —
И вышла ерунда.
Как их расставить по местам?
Ты умный — догадайся сам

Рисунок В. Конашевича

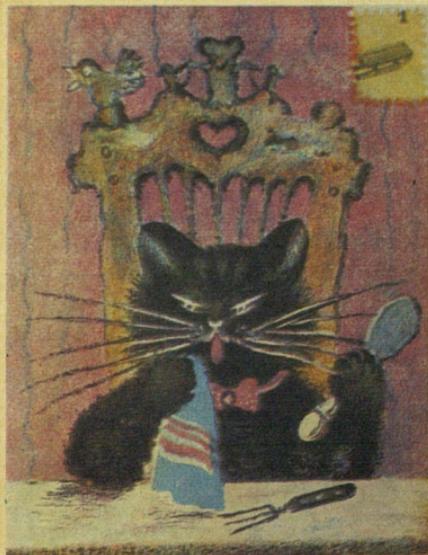
8

ТИГР НА УЛИЦЕ

Рисунок Ю. Радлова

Я долго думал, откуда на улице взялся тигр.
Думал-думал, Думал-думал, В это время ветер дунул,
Думал-думал, И я забыл, о чем я думал.
Думал-думал, Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.
Карл Иванович Шустерлинг

Ты хочешь убежать далеко?
У него ты станешь ровеском?
Есть там тебя покормят —
Нурлыкову покормят.

Рисунок Ю. Васнецова

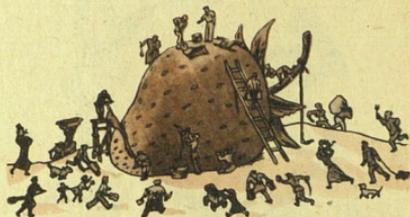

Искала старушка букашек в цветах
И ловко ловила букашек сачком,
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство, и ключик, и палку с крючком.
Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертвшись волчком.
Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик, и палка с крючком?
И с места не может старушка сойти,
Кричит: „Помогите!“—и машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком.

Поспела ягода-гора;
Пора копать, пилить пора.
Кто к нам пришел и нам помог,
Тот съест кусок и выпьет сок.
Снажи, а что получит тот,
Кто вещь ненужную несет?
Кто всех смешней, кто всех жадней?
Найди скорей таких людей.

СТРАШНАЯ ОШИБКА

В июне, пятого числа,
Из дома на простор
Сбежали скрипка и метла,
Винтовка и топор.

Недавно пришел к нам человек с двадцатью
двумя карманами. Он принес стихи, но забыл, в
каком они кармане.

Искал, искал — не нашел. Стал вспоминать — не
все вспомнил. Я говорю:

— Ничего, ребята сами допишут.
Человек очень обрадовался. Выручите его — до-
пишите стихи, ребята:

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ВКУСНЫЙ ПИРОГ

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе...

Купил муку, купил творог,
Испек рассыпчатый...

Пирог, ножи и вилки тут —
Но что-то гости...

Я ждал, пока хватило сил,
Потом кусочек...

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту...

Когда же гости подошли,
То даже крошек...

ГОРЕ В. К. МУРЛЫКИНА

Василий Котофеич купил кувшин молока. Сел
обедать, вдруг слышит: „Кому мышей копченых?“
— Давай! — закричал Мурлыкин и выскочил из
дому.

Никого нет. Вернулся — где кувшин? Где молоко?
Пропало. Горько заплакал Василий Котофеич:

Мяу!
Скорее
Найдите
Злодея!

Мяу!
Беда!
Пропала
Еда!

А злодей спрятался в этой книжке. Найдите его,
покажите Василию Котофеичу: пусть знает, кто у
него молоко украл.

Ты зачем убежал далеко?
У кого ты стащил молоко?
Вот мы тебя накажем,
Мурлыкину покажем.

ИДЕТ ТУРНИР!

Сегодня — второй разрядный тур финала. Если ты успешно справишься со всем — торжеству! Однако не до головокружения... Если ты справишься не со всем, но со многим — будь доволен достигнутым! Однако не останавливайся на этом... Если ты справишься только с малым — не горюй! Ты приобрел опыт и в новом турнире выполнишь то, что усложнито от тебя здесь.

Турнир шахматистов

№ 7. Белые: Крh4, Фg3, Сс4, Кg4, п. g7; черные: Крh7, Кd5.

№ 8. Белые: Крh5, Фa1, п. e7; черные: Крh7, Лg7, Кh8, п. g5.

№ 9. Белые: Крс8, Лg4, Лg5; черные: Крh3, Са3, Сb3, п. d7.

№ 10. Белые: Крд1, Сh4; черные: Крb2, Ка4, п. a3.

№ 11. Белые: Крд2, Са4; черные: Крf2, Кf5, п. h2.

№ 12. Белые: Кре5, Сf4, пп. a3, e6; черные: Кра7, Лa1.

Что же требуется найти? № 7 — мат в 2 хода. № 8 — во сколько ходов белые смогут дать мат? № 9 — мат в 7 ходов. № 10 и № 11 — спасутся ли белые? № 12 — выигрыш.

Турнир шашкистов

№ 7. Белые: Д. f6, пр. b2, e7, g5; черные: пр. b4, b6, f2, h4.

№ 8. Белые: d4, d6, f2, f4, g1, g3; черные: b2, b4, b6, f8, g5, h4, h6.

№ 9. Белые: a1, a7, c1, d2, e1, e3, f4, h2; черные: b4, b8, c3, c7, d6, e5, e7, h4.

№ 10. Белые: Д. f6, пр. e5; черные: пр. a5, d8, f8.

№ 11. Белые: b2, c1, c3, e1, e3, f2; черные: a3, c5, c7, d4, e5, e7, g7.

№ 12. Белые: b2, c3, c5, d2, f2, g1, h4; черные: a3, a5, c7, d6, e7, g7.

Где белые могут выиграть? Где — сыграть ничью? Где должны проиграть? Почему? (Авторы: № 7, 10 — Д. Калинин, № 8 — Н. Митрофанов, № 9 — В. Ячейкин, № 11 — С. Юшкевич).

КНОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Сколько ходов дается, чтобы поймать одиноку дамку тремя?

— По новым правилам — 15!

— Сколько лет существуют столклеточные шашки?

— 250!

— Сколько лет разыгрывают первенство мира по шашкам?

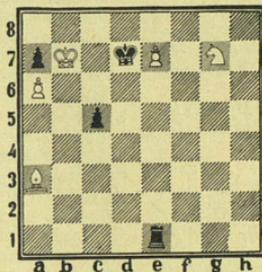
— 80!

— Сколько было чемпионов мира по шашкам?

— 13!

КНИГА ЖАЛОБ

«Мы играли матч с пятым «б» классом. У нас в команде играл белыми Валерка Гуров. Он играл совсем безответственно! Он мог дать мат в один ход, но прозевал и сделал другой ход, после которого получилось ничейное положение, которое я рисую на диаграмме.

Так глупо наша команда потеряла пол-очка и победу над пятым «б». Мы все недовольны Валеркой и велели ему играть в будущем более ответственно. Женя Волков».

Резолюция шахмат-капитана Пешколова:

1. Жалоба основательная!
2. Всем рыцарям предлагаю вывить: а) какой безответственный ход был сделан Гуровым, б) каким ходом (вместо сделанного) он мог дать мат.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Ты знаешь, что значит решить задачу на мат в 2 хода? Это значит — найти такой первый ход белых, после которого они при любом ответе черных дадут мат. Итак, реши задачу-двухходовку!

Белые: Крс8, Сf1, Кb4; черные: Кра8, Ке6, пп. a7, b7.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А. 1. h7 Лh2 2. Лf1+ Крс2 3. Лf2+1, или 1... Лd8 2. Лс6+ Крд2 3. Лd6+1 Б. 1. Лg3! С:g3+ 2. Крh3! Шашки — А. 1. d6! 2. e4! 3. b6 4. d4X. Б. 1. b6! a5 (1... a3 2. cd4X) 2. cd4! e:c3 3. d4 4. de3X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. f6! g6 2. Фh6.

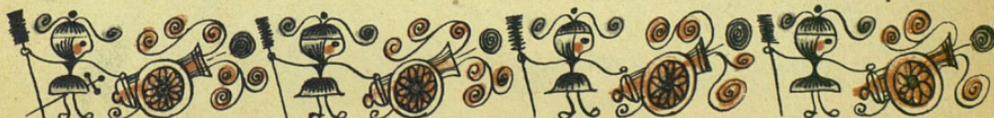
ПРИКАЗ №9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 ноября.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимать.

Шахмат-адмирал Фэрзберри

ПРАЗДНИК НЕПТУНА

РАССКАЗЫ

Во вторую смену в лагере у меня знакомых не было — только Валька да мой младший брат Василий.

С Валькой я в одном классе учусь, но обязательно суется везде, — оттого что динный, я думаю, — а Василий еще дошкольник.

Однажды на вечерней линейке старшая пионервожатая Леля говорит:

— Завтра будет праздник Нептуна. Давайте выберем Нептуна и нимф.

Она предложила в Нептуна Игоря — председателя совета дружины, но Игорь сказал, что у него хронический бронхит и ему торчать в воде нельзя.

— Что же делать? — задумалась Леля. — Может быть, ты, Шура, справишься?

Я, конечно, обрадовался такому доверию, но сказал — нет, потому что я мал ростом, а Нептуну нельзя быть таким — он же подводный бог!

Только я отказался, встает вдруг Валька:

— Подумаешь, — говорит, — невидаль. Давайте я справлюсь.

Все помыслили, а потом говорят — давай! — и я сказал, хоть Валька известный нахал, но кому же Нептуну быть? У Игоря бронхит, а ростом не вылезет, а Василий мал и не пригоден пока на что-либо серьезное.

Ну, а нимфы мы назначили моментально — в лагере девочек много, и есть очень-очень красивые, а есть — просто.

Утром все собралось у пруда. Там помост был из досок — с него обыкновенно в воду ныряли, а сейчас на нем стоял стул и Валька сидел на стуле в золотой короне из картона и с бородой из мохалки.

Вокруг него толпились красивые нимфы и мальчишки с копьями.

— Канат! — закричала Валька. — Перетягивать канат!

И мы стали тянуть канат, а Валька сидел, надувшись, как надув, и даже не улыбался.

Впереди меня стоял Игорь. Мы тянули, упирались изо всех сил. Тянули, тянули и победили. Я упал, Игорь — на меня. Только хотели встать — тут Нептунова свита, девочки, как налетят и потащили нас в воду. Эх, лучше бы мы проиграли!

— У меня бронхит!.. — кричит Игорь, но его и не слышит никто. И швырнули его с помостом в пруд, и меня тоже, прямо в рубашке, с галстуком.

Потом я выжимал в кустах рубашку, галстук и трусы, смотрел на ералаш, который устроили эти нимфы. Они даже пионервожатую Лелю схватили, чтоб окунуть, но ослумались, а Вальку моего безжалостно окунули.

Валька как залетелся вдруг на своем троне — меня даже зло взло.

Пионеры с нимфами рассыпались по берегу — идут, кого бы еще схватить, а уже некогда — все разбежались, один Валька остался.

И вот они схватили его, раскачали — и в пруд.

Валька сразу пошел на дно, только стул наверху остался да золотая корона и мохалка от бороды. Все—ха-ха-ха! А я вдруг вспомнил, что он плавать-то не умеет! Кинулся к помосту и как был, не раздеваясь, прыг в воду.

Вальку вытащил по всем правилам — за волосы. И что же? Он обиделся и долго со мной не разговаривал.

А по-моему, сам виноват. Нечего в Нептуны лезть, раз плавать не умеешь!

Александр Сахаров

РАССКАЗЫ

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Рисунки О. Филаленко

В нашем классе все помешаны на листьях, плодах и соцветиях, потому что Людмила Иванова, наш классный руководитель — учительница ботаники.

Каждое лето мы все собираем гербарии и очень стараемся, но лучше всех гербарии всегда у Вальки.

Когда кончились занятия, Людмила Ивановна раздала нам табели с годовыми оценками и в который раз похвалила Вальку за прошлые отличные гербарии.

Ну, да мы еще поглядим, у кого в этот раз лучше выйдет. Я к тетке родной поеду на каникулы в Среднюю Азию и там такого наберу...

Тетя моя жила в городке Ак-Кудук — Бельм Колоден.

Сначала по приезде я обдалел немного от тетиного уюта, от верблюдов, а потом вспомнил про школу и решил сразу делом заняться.

Как раз в это время я познакомился с Джуманиязом. Хороший парень — он жил в доме напротив. Мы стали ходить всюду вместе.

— Джуманияз, а где же пустыня? — спросил я однажды. — Деревья кругом.

Какая пустыня? — удивился Джуманияз.

— Обыкновенная, где один песок.

— Нет пустыни, — сказал Джуманияз, — а пески — кум, — пожалуйста.

Наутро мы пошли в пески.

Пески начались сразу же за последним домом, хоминистые, живые. Я глядел внимательно под ноги, чтобы не наступить на скорпиона или ядовитого гада, но они, видимо, спали, а носились по песку туда-сюда муравьи на длинных-длинных ногах, будто на ходулях.

Кое-где из песка торчали сухие веточки. Я стал собирать их в коробку из-под ботинка, а они колочили, царапались.

— Зачем ты колочки собираешь? — спросил вдруг Джуманияз. — Печь топить? Так сейчас лето. Ты бы весной приехал — тогда тольпаны в песках цветут. Это вот ат-кулак — «солдашное ухо». Это — керкек — верблюжий колочка...

А на обратном пути под барханом я в песке подкову нашел. Маленькая — ее осликша с ноги уронила. Мне весело стало, потому что найти подкову считается к счастью. И в самом деле, вечером привалило счастье: Джуманияз принес коричневую коробочку с ватой внутри — прошлогодний хлопкок...

Нет, не зря я поднял ишачью подкову. Те-

перь уж наверняка моя коллекция самая лучшая.

Утром в день отъезда я переложила аккуратно в коробке хлопок, лошадиное ухо и другие растения, чтобы не помять в дороге.

Поезд уходил вечером. Меня провожали тея и Джумания.

— Приезжай весной, — сказал Джумания на прощание.

Настало 1 сентября. Рано утром я надел чистую рубашку и взял свою коробку. Ну, думаю, Валька, поглядим на этот раз!

Вот и школа, а рядом со школой старые саран у забора, и кусты густые, и трава.

Я быстро сунул коробку в куст, разгладил траву и пошел не спеша к школьным воротам, там во дворе уже толпились первоклассники с мамами и цветами.

Затрещал звонок — чинно, парами пошли в дверь первоклассники, мы — за ними.

— Здравствуйте, дети, — сказала Людмила Ивановна. — Вы, наверно, хорошо отдохнули за каникулы и станете теперь добросовестно учиться...

Дальше я не слышал, потому что начал рассказывать Вальке про пустыни и пустынных муравьев.

И вдруг:
— Шура, если ты рассказываешь Вале что-либо стоящее, то и нам Расскажи, мы тоже хотим послушать.

Я встал и покраснел:
Я про гербарий, Людмила Ивановна...

И стал рассказывать про колоники в песках, про альде тольпаны весной, про ат-кулак и дождик в августе, когда все, даже старики, высканчивают на улицу и скачут под теплым дождем...

Сзади кто-то вздохнул:
— Ну и ливень...

Я не понял сначала, глянул в окно — и правда, ливень, деревья гнутся под ветром, шумят. — Что же ты замолчал, Шура? — спрашивает Людмила Ивановна. — Это очень интересно, что ты рассказываешь.

А я вспомнил о гербарии и говорю:
— Людмила Ивановна, можно видеть?

И пулей — за дверь.
Дождь лил вовсю, я выбежал, поскользнулся, чуть не упал.

Какая там коробка! Крышка одна у забора и лежит, на ней одиноко — счастливая подкова. Ничего больше нет: ни хлопка, ни уха лошадиного, ни кермека — ветер унес. Вот тебе и сорпиз!

Я вернулся в класс весь мокрый, с подковой в кармане. Валькин гербарий опять оказался лучшим.

— Валька, — говорю, — это ишачья подкова на счастье. Раз уж я такой невезучий, бери ее себе.

Но Валька не взял. Говорит, подкову на счастье надо найти самому, а чужую брать нельзя — не поможет.

ГТО и мы

ГОВОРЯТ УЧЕНИКИ ШКОЛЫ № 88

Гая Лебедева, 7 «б» класс

В пятом классе мы начали сдавать нормы ГТО. Сначала все у меня шло хорошо. Бег, плавание, прыжки и лыжи слала на отлично. Осталось только метание. Всего 31 метр до «Золотого значка». Но...

Как я ни старалась — мяч не летел к этой отметке. Очень было обидно. Когда смотрю со стороны, думаю, — просто. Но оказалось, что правильно метнуть мяч тоже нужно уметь.

Только в этом году мне удалось выполнить этот норматив, и я была очень счастлива, когда мне вручили «Золотой значок».

Я не представляю себе жизни без спорта и после школы буду поступать в институт физкультуры имени Лесгафта. Это твердое решение. Правда, совсем не обязательно, чтобы спорт для каждого стал делом всей жизни. Но не заниматься им вовсе — значит обидеть себя. Особенно

это касается мальчишек — ведь им служить в армии, а там нужны сильные, закаленные. В нашем классе есть такие, которые не только нормы ГТО не хотят сдавать, но даже от занятий по физкультуре стараются улизнуть.

Мне кажется, и сдача норм ГТО, и просто занятия спортом в каждом классе во многом зависят от физорга. Не все ребята это понимают и иногда выбирают физорга, не задумываясь — по душе ему это или нет.

Игорь Залкиндер, 7 «а» класс

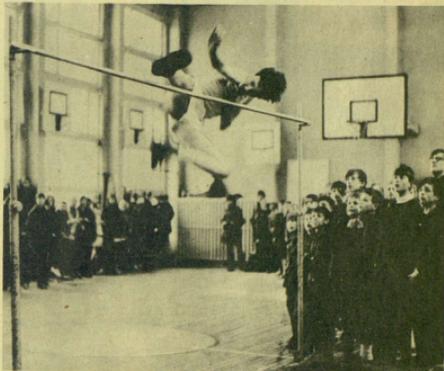
Раньше, до нового комплекса норм ГТО, ребята в классе делились очень просто — или ты спортсмен-разрядник, или нет. Уроки физкультуры не в счет. Это вроде разминки.

Сейчас у каждого появилась возможность узнать, насколько

считал, что это мой любимый вид спорта. А в ГТО нужно уметь делать все.

Когда я летом был у брата в Луге, он научил меня плавать, хотя я очень боялся воды. Зато в школе, в бассейне, я смог сдать нормы по плаванию. Правда говорил брат, что лю-

бое умение пригодится. На лыжах тоже ходить не умел, а чтобы получить зачет, нужно два километра за 14 минут пробежать. Мы с отцом поехали в Кавголово смотреть, как соревнуются лыжники, и там я в первый раз попробовал с горы прокатиться. Понравилось. По-

ЛЕННИГРАДА

Витя Васильев, 6 «б» класс

Раньше я больше всего любил кататься на велосипеде и

том приезжали туда много раз. Я научился не только ходить на лыжах, но и спускаться с гор. Но нормы сдать еще не успел.

Я уже не знаю точно, какой вид спорта мне больше нравится. Недавно научился стрелять. Вместе со всей школой мы построили настоящей большой тир. Все ребята, которые помогали его строить, на одной из стен масляной краской написали свои фамилии на память.

В нашем классе уже есть ребята, которые сдали нормы ГТО. Я не хочу отставать и по-

стараюсь в этом году получить значок.

Лена Храмова и Юля Шампал, 5 «б» класс

ЛЕНА: Юля и я в этом году вдвоем от класса в школьной команде на «Зарнице» были регулировщиками.

ЮЛЯ: После бега с препятствиями к нам военный подошел. Спросил, сдали мы нормы ГТО или нет.

ЛЕНА: Мы ответили, что почти все сдали, осталось только Юле метание, а мне плавание. «Вот видите, как вам ГТО

помогло, — сказал он. — В этой полосе, которую вы преодолели, все нормы есть, и бег, и прыжки в длину и высоту».

ЮЛЯ: Наверное, если бы мы в школе плохо физкультурой занимались, то не заняли тогда второе место в районе.

Сама я очень люблю спорт. Мой дедушка в школе гимнастику преподает и со мной занимается. А с мамой мы на лыжах в Кавголово ходим. Она у меня на корабле плавает. Недавно мама побывала в Австралии и в Новой Зеландии. Там, она рассказывает, очень спортивные ребята. Плавают даже годовалые малыши. А вот такого единого комплекса, как наш — ГТО, нет! А ведь, наверно, любому мальчику и девочке в любой стране хотелось бы иметь значок «Смелый и ловкий».

ЛЕНА: На экваторе так жарко, что дети весь год без рубашек бегают. Куда они его приколот?

ЮЛЯ: Можно на ленточке подвесить, как у олимпийских чемпионов... А сейчас мы готовимся на первенство города в «Зарнице» выступать.

ЛЕНА: Тренируемся много. Даже перед уроками на зарядку бегаем.

ЮЛЯ: Заодно метание сдадим и в этом году обязательно значки получим.

ЛЕНА: Постараемся «золотые».

*С ребятами беседовал
Евг. Гольст
Фото
Ильи Колтуна*

СОДЕРЖАНИЕ

Кто из нас, Корабль стихи Э. Тумаковой рисунок Т. Соловьевой	
Витяка Мураш — победитель всех повесть Ю. Томина рисунок А. Пахомова	2
Живые и мумии очерк Г. Георге оформление Г. Никеева	17
Над нами Канопус из дневника участника экспедиции С. Степьянца рисунок Ю. Клыкова	20
Барабан журнал юнкоров	24

С чего начинается отряд очерк Г. Князева рисунок А. Януса	28
1 Стихи и рассказы твоих ровесников	30
Морская газета	32
Яблочные горы рассказ А. Леонова рисунок К. Претро	34
Фосфорит очерк Н. Крудовой рисунок В. Бродского	36
Киноклуб	38
Володины братья повесть Ю. Коринца рисунок С. Острова	42
„Красная шапочка“ воспоминания Б. Семенова	54

С пламенем в сердце К 70-летию со дня рож- дения Н. Островского	56
Уголек журнал для малышей составитель Т. Никольская	57
Арчебек шахматы и шашки	59
Праздник Нептуна	
Подкова на счастье рассказ А. Сахарова рисунок Э. Филиппенко	60
ГТО и мы репортаж Э. Гольста фото И. Колтуна	62
На обложке фото И. Колтуна	

Составил и оформил В. Уфлянд

Демьяша и Сиволалыч заспорили за столом, кто из них больше пересолит свой бульон и кто сильнее переспластит свой чай. Отведав бульона и чая у обоих спорщиков, Гном-Гастроном рассудил, что ни то, ни другое невозможно употребить в пищу. Звездочет Хуссейн взялся разрешить спор, не пробуя на вкус ни одну из жидкостей.

«Мне достаточно, — сказал Хуссейн, — иметь карандаш, желательню со стирательной резинкой на конце и канцелярскую кнопку».

Действительно, из этих предметов звездочет изготовил прибор, которым определил, кто больше насыпал соли в бульон и сахара в чай.

На будущее Гном-Гастроном посоветовал класть не более 1 грамма соли на чашку бульона и не более 10 граммов сахара на чашку чая.

Хуссейн тут же соорудил весы из круглого карандаша, нитки и двух колпачков из фольги от молочных бутылок. Пользуясь монетами по 1 и 5 копеек вместо гирь, друзья отмерили нужное количество соли и сахара.

Чертежи прибора и весов будут помещены в следующем выпуске странички «За семью печатями». Попробуйте догадаться, как выглядят эти устройства.

КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО

СОЧИНЕНИЕ ДЕМЬЯША

Летом я сначала изучил энтомографию и составил коллекцию Членистокрылых, в том числе жука-плауна и хвоста майского. Потом я занялся геологией, прочитал книгу о горячих глетчерах на Камчатке, побывал в пещере, где видел свисающие сверху доломиты. Нашел редкий драгоценный камень сапфирит. Пробовал стать троглодитом, для чего изучил несколько иностранных языков во сне методом гипнотермии. Одновременно засушил для гербария растения: волчий лук, медвежий глаз и воронье лыко, а также вырастил в саду актинию. Катался на водных лыжах за скваттером,

играл в американскую игру бобслей, которая есть не что иное, как разновидность русской лапты. Ознакомился с кварковой теорией и гипотенузами о квазарах, нейтринных звездах и полюсарах. Мне советовали повторить школьную программу, но такие простые истины, как закон Пифагора, теорема Архимеда, геометрия и грамматия — для меня уже пройденный этап. Он тих полько тупаница.

Демьяша

Звездочет Хуссейн, читавший сочинение, потерял счет ошибкам. Может быть, вам, ребята, удастся разобратся, что с чем перепутал автор сочинения.

Ответы на задания

Демьяша вылил два полных четырехлитровых бидона в ведро, долил еще раз из бидона ведро до 9 литров, вылил воду из ведра и налил в него оставшиеся в бидоне 3 литра. Налив в ведро еще бидон и доливая еще раз ведро из бидона доплотна, он получил 2 литра воды в бидоне. 2 литра он вылил в ведро, наполнил бидон и получил 6 литров воды.

Порядок обеда: 1. Компот. 2. Картошка. 3. Борщ. 4. Каша.

Кроссворд: По вертикали: 1. Пар. 2. Хор. 3. Базар. 4. Краб. 6. Снег. 7. Каюта. 9. Осло. 11. Рангоут. 12. Туполов. 15. Дуб. 16. Мол. 19. Казак. 21. Ария. 22. Нежин. 24. Руда. 25. Поло. 28. Газ. 29. Тур. По горизонтали: 3. Балка. 5. Исток. 8. Шар. 10. Рак. 11. Рассвет. 13. Араб. 14. Гурт. 15. Дом. 17. Иглы. 18. Окот. 20. Бал. 23. Амур. 25. Пеле. 26. Туликов. 27. Маг. 29. Тир. 30. Канал. 31. Колун.

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидава, Р. П. Погодан, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торпыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Черныкова, Ю. А. Юржак (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломошский

Технический редактор В. И. Мещатумова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-38441. Слано в набор 6/VI 1974 г. Подписано к печати 26/VI 1974 г. Формат 60×90/4. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 530 000 экз. Заказ 2848. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверская ул., 7.

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Путешественники попали на остров Новая Гвинея. В 1871 году на этот остров высадился знаменитый русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

До сих пор папуасы «берега Маклая» хранят память о русском ученом.
Экипаж «Волны-12», Куйбышев

На доске вырезана надпись: «Корвет Витязь». На этом корабле на Новую Гвинею приплыл Н. Н. Миклухо-Маклай.
Экипаж шхуны «Ра-2», Казань

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Шхуна отдала якорь неподалеку от острова Питкерн. Команда спустила шлюпку. Капитан Быстроходов вглядывался в голубую глубину вод.

— Бросайте кошку! — командовал он Робинзону.

— Как кошку? — воскликнул Робинзон. — Губить животное!

— Э-эх! — сказал боцман Румпель. — При чем тут животное? Вот она кошка, я меня. Сейчас брошу...

Шлюпка медленно двинулась вдоль берега. Как вдруг...

...НАН ВДРУГ

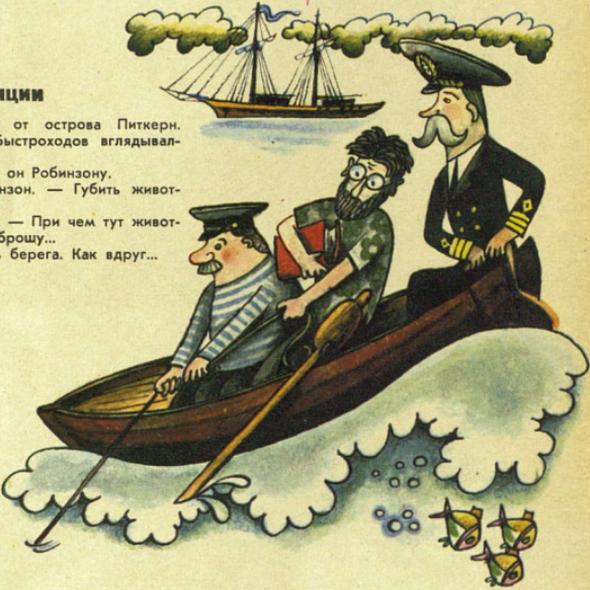
Кошка за что-то зацепилась.

— Что-то есть! Что-то есть! — обрадовался Румпель.

— Однако обратите внимание на глубины, — сказал Быстроходов, — не менее ста пятидесяти метров! Как мы узнаем, что там? У нас нет ни водолазного костюма, ни глубоководных аппаратов.

— Это верно, — сказал Румпель. — Придется вернуться на шхуну и там решить, как быть дальше...

Рисунок Н. Курушина

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. О какой кошке идет речь? Есть ли на корабле названия, сходные по звучанию с названиями зверей, рыб или птиц?
2. С помощью каких аппаратов и оборудования можно производить поиск под водой на глубинах более ста пятидесяти метров?

В нашем экипаже юнга Алик. Он совсем еще маленький, но любит море и хочет стать моряком. Мы научили его читать, скоро он сможет сам читать книги о море.

Гаяля и Таня, экипаж «Чайки-10», г. Сатка Челябинской обл.

